Ср 4-4
Рс 1-857
1937г. №1(19)-5(23)

2020146826

А 3662 Рос 4-4/1-857

КАЗАКИЯ

Центральный Государственный архив Октябрьской Революции и соц. стро тельства СС
ф. № 7030 оп. № 3 ед. хр. 2144

(19-20)
1-2

1937

СОДЕРЖАНИЕ:

1. От централного правления ВК. Ко веему национальному Казачеству.

ОТДЕЛ НАУЧНЫЙ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ:

2. Др. С. А. ФЕДОРОВ: Казачья нация (Вопрос языка).
3. Ген. П. Х. ПОПОВ: По вопросу о созыве Донск. Войск. Круга— I.
4. Ген. З. А. АЛФЕРОВ: По вопросу о созыве Донск Войск. Круга— II.
5. Др. Б. Н. УЛАНОВ: По вопросу о созыве Донск. Войск. Круга— III.
6. Агр. И. М. ЕВСИКОВ.: Осколок старой казачьей эмиграции.
7. С. Б. БАЛЫКОВ; По моменту.
8. Инж. Д. Н. ЕРЕМЕНКО; О пропаганде казачьей государственности.
9. Ес. А. ЛЫСЕНКОВ: Уроки прошлого.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ:

10. ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ.:Завет (стих)
11. ВИКТ. КАРПУШКИН.: К своим (стих).
12. АЛ. БОЯРИНОВ.: Серлиёшкины дни.
13. МИХ. МУРЗИН.: Песнь полубогов (стих).
14. ЯКОВ ЛОПУХ.: Из детских воспоминаний.

ОТДЕЛ ИСТОРИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ:

15. † Проф. Ф. А. ЩЕРБИНА: Пережитое, передуманное и осуществленное (продолжение).
16. А. Н. ТРОФИМОВ: Степан Тимофеевич Разин (продолжение).
17. П. А. МАНЧЕНКО; Перемїшання Турано-Болгар з Балк. славянами.

ЖИЗНЬ КАЗАЧЕСТВА ЗА РУБЕЖОМ:

18. Инж. С. ТУЛАЕВ и Агр. ЕРЕМЕЕВ: Обращение ко всем нац-мысл. казакам.
19. ГРУППА ИНЖ. И ТЕХН. В ПОЛЬШЕ: Постановление.
20. ГРУППА В. КАЗАКОВ В ВИЛЬНО: Постановление.
21. ВК. СТАНИЦА В МИЛЕЕВЕ: Постановление.
22. ГРУППА В. КАЗАКОВ В ВАРШАВЕ: Постановление.
23. ГРУППА В. КАЗАКОВ В АВГУСТОВЕ: Постановление.
24. ХРОНИКА: „Каз. Лава". Хуторской праздник в Лесковце.
25. В ВК. округе в Югославии.
26. Очередное собрание Пражской ВК. станицы

ОТКЛИКИ:

27. Др. С. ФЕДОРОВ: Дубы „Мамрические".
28. Инж. В. ГЛАЗКОВ: Уроды в семье.
29. „Зажиточная жизнь".
30. Попытка топить в ложке воды.
31. До хвальної редакції журналу „Казакия-Козакія".
32. Раз'яснение.
33. От издательства журнала „Казакия".

Представители журнала:

1. Owsianik. König. Elisabethstr. 8. Berlin — Charlottenburg.
2. Balinoff. 7. rue du Chemin-Creux. Joinville-le-Pont (Seine(France.
3. Jng, Tulaiew. Litewska, 7 m. 4. Wilno. Pologne.
4. Jng, Fedorow. Jaromirova, 456. Praha-Nusle údoly. Ç. S. R.
5. Jng. c. Mosev. Brno. Jakubska. 1. Ç. S. R.
6. Jng. c. Perfiliev. Beograd. Donska, 1. Jugoslavie.
7. J. Bezuglov. Bratislava. Marsnerova, 13. C. S. R.
8. Khoroujenko. 82, av. Sidoine Apollinaire. Maison-O-Lyon (Vaise). France.
9. Anikouchine. Box76. Avon Lake. Ohio U. S. A,
10. Elisseeff. 31a, Str. Cassianu. Cluj. Romania
11. Alimoff. 3.Av. Albert-Bartholemè. Paris — 15. France.
12. агр. И. М. Евсиков; ул. Царь Асенъ, 69. София.

Всю переписку по делам редакции, подписную плату и материалы для журнала направлять по адресу: Balikov. Marsnerova, 13. Bratislava. Tchecoslovaquie.
Гонорар не платится. **Ненапечатанные материалы возвращаются только при оплате автором стоимости обратнои пересылки.**

Подписную плату за журнал, как и случайные выручки за отдельные номера его, нужно посылать ред. Балыкову. Из тех стран, откуда нельзя посылать деньги, расчет производить купонами международного почтового союза. Так как эти поступления являются единственным вознаграждением нашего редактора за его труд, то просьба ко всем — быть аккуратными в расчетах.
Адрес: S. Balikov, Marsnerova, 13. Bratislava. Tchecoslovapuie.

9

КНИГА ИМЕЕТ

1937

Выпуск	В перепл. един соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1961 г.
У	N 1-2-5					538 / 169	

Рос 4-4
1-857

КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ-KOSAKIA

ЛИТЕРАТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

под. редакцией: С. БАЛЫКОВА, Г. ЕРЕМЕНКО и Ф. ОБОЛЕНСКОГО

№ 1-2 (19-20) Февраль и Март 1937 года. Болгария. София, Царь Асен, 69 № 1-2 (19-20)

КО ВСЕМУ НАЦИОНАЛЬНОМУ КАЗАЧЕСТВУ ОТ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРАВЛЕНИЯ ВК. КН.

БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА
67-315

Ясно вырисовывающиеся размеры и характер грядущих международных событий безусловно свидетельствуют о том, что они могут обозначить собою начало новой и лучшей эры в исторической судьбе Казачества, если только последнее окажется в достаточной степени подготовленным к овладению создавшейся политической обстановкой.

Но, если Казачество встретит эти события слабым и неорганизованным, то нет сомнения, что оно, как пассивный элемент, окажется вне сферы решающих в них факторов, и в таком случае в жизни Казачества, как народа, обреченнаго на роль колониального материала для той или иной страны, откроется более мрачная эпоха. чем нами переживаемая.

Сознательное и организованное действие, высшая духовная активность требуется от сегодняшней казачьей общественности для того ,чтобы судьбу своего народа взять в свои руки и напр вить ее по светлому пути возрождения и процветания.

На фоне сегодняшнего всеобщего упадка духа и растерянности, единственным активным и положительным фактором в эмигрантской казачьей общественности безспорно является только наше национально-освободительное движение, в судьбе которого несомненно таится и судьба всего Казачества.

Сознавая эту величайшую ответственность своей роли и чувствуя близость важных и решающих моментов, все здравомыслящие казачьи националисты, охвачены искренней тревогой по поводу существующей розни в едином по идее и поставленной задаче казачьем национальном движении, и все усилия руководящих элементов движения ныне устремлены на преодоление этого позорного раз'единения в Вольном Казачестве, которое уже много лет разлагает его организационную жизнь.

Принимая во внимание эту действительную опасность для движения от его внутреннего раздвоения — с одной стороны, идя навстречу разумным стремлениям вольноказачьей массы к единению через преодоление раскола — с другой стороны, отчетливо сознавая крайнюю необходимость единства действий, сил и средств в борьбе за свободу — в третьих, и учитывая наличие возможности достичь единства при искреннем и честном подходе к вопросу, — **С'езд Членов Центрального Правления и руководящего кадра ВК., проживающих в Чехословакии, дал новому Центр. Правлению строгую директиву — непременно изыскать пути и средства об'единения всего Вольнаго Казачества в одно организованное целое.**

Во исполнение этой директивы с'езда, Центральное Правление, по прежнему состоящее исключительно из искренних и безкорыстных патриотов Казакии, **предлагает всем казакам-националистам без разделения организовать не позже лета этого же года с'езд представителей вольно Казачьих округов обоего крыла.**

По мнению Центр. Правления, только такой с'езд мог бы выбрать один общий об'единяющий центр, утвердить одно общее Внутреннее Положение и об'единить в одно целое силы и средства всего национального казачества для спасения погибающего народа.

В данное время Президиум Центр. Правления сосредотачивает и изучает различные проэкты и предложения по вопросу как организации указанного с,езда, так и об'единения всех казачьих националистов вокруг одного центра. Изучив все эти предложения и проекты, выслушав всех казаков, которые пожелают высказать по вопросу свои соображения, Центральное Правление изложит в следующем номере „Казакия“, или в специальном издании, основные условия для полезного разрешения затронутого важного вопроса.

Казачьей национальной общественности предстоит серьезный экзамен на политическую зрелость, которая характеризуется самоотречением от личных интересов и чувств, выдающейся жертвенностью в пользу исповедуемой идеи и пренебрежением мелочами в пользу общего и главного.

Сумеем ли мы, казаки-националисты, выдержать этот экзамен, созовем ли необходимый с'езд и доб'емся ли на нем об'единения наших сил, краеугольный камень казачьей свободы будет прочно заложен, и мы предохраним наше движение от возможных экспериментов сомнительных людей, пытающихся самозванно играть роль водителей Казачества, выполняя чуждые нам задания.

Председатель ЦП. **И. Безуглов.**
Члены Президиума: Др. Инж. **А. Алейников,**
Полк. Др. **С. Федоров,**
Г. Л Еременко.
Члены Цетрн.Правления: Инж. **С. Медведев.**
Инж. **П. Головчанский,**
Инж. **Д. Еременко,**
Инж. **В Глазков,**
Полк. **А. Жуков,**
А. Трофимов.
Ш. Балинов,
Окр. Ат. **И. Овсяник.**
Окр. Ат. и Предст. ЦП. в Польше Инж. **А. Тулаев.**
Предст. ЦП. в Болгарии Агр. **И. Евсиков.**
Предст. ЦП. в Югославии Инж. **К. Перфильев.**
Генеральный Секретарь ВК. **С. Балыков.**

Д-ръ С. Федоров. (ЧСР.)

Казачья нация

(Вопрос языка.)

Одним из самых важных вопросов, который кажется имеет непреодолимые трудности, в определении Казачества, как народности, является вопрос языка.

Понятно, так как теория, по которой язык становится существенным, даже и единственным признаком нации, наиболее расширена; в общественной жизни, понятие нации совмещают с признаком языка, казалось бы что действительно нет более полного определения, но в действительности это не так. Общий язык создает только в определенном напровлении одинаковость людей.

Вопрос общего языка не играет такой роли и в казачестве, которое при психическом единстве и иных признаках и факторах, говорит на различных языках, не теряя своего казачьего чувства общности, также, как не сливается с одинокоговорящими неказаками.

Нации французская, германская, итальянская имеют очень большие языковые подразделения внутри себя. Иногда же разницу между языками очень трудно установить в особенности тогда, когда она только диалектического характера; язык голландцев является только диалектом германского языка; англичане и называют голландцев „детш-дейч“, а между тем существует голландский язык. В этом случае не самостоятельный язык имел решающее влияние при создании нации, но как раз наоборот— нация создала язык: точно так же, как и нижненемецкое племя выделилось в самостоятельную нацию и создало язык

Из этих соображенмй вся демократическая Европа в 1871 г. требовала плебисцита для Эльзас-Лотарингии, ибо по языку и расе она принадлежала к немецкой, что, однако, не мешало ей быть оппозиционной в отношении Германии, совершенно так, как теперь эти провинции опозиционны в отношении Франции; там, собственно говоря, образовалась народность двухязыковая, так как это есть на территории казачьих Войск и Северо-Кавказского края.

В македонском освободительном движении язык не имеет значения национального фактора; в меморандуме македонцев в Лигу Наций разноязычное население Македонии определяется как едино национальное.

Чем же тогда является и каккую роль играет язык у казачества?

Нам известно, что казачество в далеком прошлом складывалось да и теперь складывается из самых разнообразных этнических элементов; очевидно, что при таких условиях, язык у казачества никогда не мог быть признаком казачье-национальным. И это подтверждают нам исторические исследования, которые приводят к заключению, что язык у казаков был только техническим способом при сношениях с внешним светом и своими собратиями. Казак и сейчас имеет большую способность постигать чужие языки, почти каждый казак, возвращавшийся с действительной службы на границах, был знаком с языком местного населения, а язык казачества вообще в значительной степени засорен именно этими окраинными языками. В способности к воспринятию языка даже здесь в эмиграции казачество никак не может быть сравниваемо с общероссийской эмиграцией, с трудом усваивающей языки местные. Это об'ясняется тем, что казак никогда не навязывал местному населению свой язык, в противоположность русскому человеку, а наоборот приспосабливался к языку туземца.

История не оставила нам следов языка, на котором говорили наши казачьи предки во времена, скажем, татарские или в еще более ранние, и которая господствовала у населения черноморско-азовских степей славяно-русского, конечно, происхождения. Можно предполагать, что она не особенно отличалась от языка иных соседних племен Руси и только потом, под влиянием природных факторов и двух различных культур, казачество приняло два наиболее близкие к нему разновидности языка славян, в части восточной Руси Рязанской, а на Западе — Руси Киевской, оставивши в употреблении много оборотов и специфизмов, присущих только населению казачьих территорий.

Язык есть живой организм, подчиненный общим законам духовного развития. В каждом языке, связанном с определенной этнической областью можно проследить периодические изменения и этот процесс при всех совпадениях, в основных своих нормах имеет разнообразнейшие отклонения.

Рядом с великими историческими катастрофами, которые расшатывают и даже разрушают существующее национальное положение, возникает соответственное изменение первоначального языка и смешение его с иными, до тех пор, пока его место не займет язык иной. Поэтому, например, говорят про кубанский „жаргон“, который носит дуалистический характер с примесью кавказщины.

У народов нисшей культуры больше значения имеют диалекты широко распространенные, тогда как более высокая культура угрожает самостоятельному существованию некоторых диалектов уже благодаря преимуществу письменности. Самые разнообразные причины влияют на диалектические разновидности языка. При отсутствии больших центров, которые поглощают частичные местные интересы, незначительные местные препятствия, например — речки, горы, уже дают благоприятную почву для роста диалектических образований. Кавказ, в особенности Северный, весьма показателен в этом отношении, не менее и Карпаты с украинским населением, горы немецкие; в Италии природа особенно благоприятствовала к созданию различных диалектов, совершенно различных один от другого, но это не помешало итальянцам создать одну нацию. Знаем, как курьез, когда немецкие солдаты

из различных земель, употребляли между собой даже французские слова на французском фронте, чтобы понять друг друга, а мы же говорим о едином немецком народе.

В конце концов, пересоздание языка проявляется в возникающем с протяжением времени, в изменении значения слов, что может иметь место даже в границах одного поколения, а именно — при замене вымерших форм и окончаний; происходит это при общениях людей, от школ, путешествий и т. д., это подверждают наблюдения над языком южнодонцов, кубанских линейцев и в особенности над языком терскаго казачества, которое произвел б. Терский Войсковой Атаман Караулов в труде, награжденном золотою медалью.

Иллюстрацией ко всему сказанному может быть в особенности Кавказ, с его более чем сотнею народностей, говорящих на 60 различных языках и массе поговорок и наречий, а в известной мере и Дон, Кубань, Терек.

Уже диалект кубанских черноморцев имеет два оттенка, которые отличаются отъ диалекта левобережно—украинского населения, в свою очередь отличного от диалекта полесских украинцев или подольско—галицких. Галицкое наречие само по себе обнимает большое множество диалектичеких отклонений, именно благодаря расселеню галицких украинцев в горах.

В равной мере имеем разнообразнейшие диалектические отклонения у линейского казачества Кубани и Терека.

У донских казаков мы имеем три наречия; верхнедонское с великороссийским оттенком, но иного стиля по складу и интонации (при этом следует отметить, что язык северных соседей верхнедонцов „рязанский" развивался иначе, чем язык „московский"), среднедонское—считающиеся оригинально казачьим (исторически средний Дон и является материнским в отношении донского казачества с древних времен) и нижнедонское с „ви", „ми" „у куточку" и иными оттенками языка бывших запорожцев, близкое отчасти к черноморскому—мягкому, с различными влияниями языков тюрских, греческого, армянского и турецкого.

Раз можно сказать, что существует американская нация, с американским языком, отличающимся по складу и фонетики от языка английского, то точно так же можно сказать, что существует и донской язык, который даже в наиболее близких к Великороссии верхнедонских округах, уже отличается от российской. Наконец это обстоятельство потверждает и исследование донского языка одним из выдающихся русских языковедов по причинам политическим скрываемое от казаков.

Необходимо твердо помнить, что язык не является абсолютно точным обозначением нации и не исчерпывает всего богатого и разнородного содержания ее смысла. История знает много примеров изменения языка народами, точно так же, как существуют два народа с одним языком. „Язык я не считаю святостью, а способом, который служит духу злому и доброму" говорит Масарик. Вообще же ядро определения нации лежит далеко глубже, чем в языке.

Так Бельгия имеет свою „бельгийскую душу" — чувство общности при двух различных яхыках бельгийцев; эта общность возникла в историческом процессе и настолько связала экономически провинции ее, что о разрыве связи нет и слова. Бельгия составляет общий комплекс, побеждающий все враждебности. Подобное мы видели и на Кубани. (Бочковский).

Б льшинство национальных программ и до сих пор понимается как программа языка, но следует помнить, что человек имеет не только язык. В особенности это относится к Кубани, на которой есть несколько языков и каждый язык обнимает территории с такими природными богатствами, каких другой язык не имеет.

Это обстоятельство твердо надо помнить тем из наших украинских и горских „друзей", которые уже на своих картах делят Кубань на несколько частей присоединяя их к своим „языковым" комплексам, что, конечно, опрометчиво.

Политическая самостоятельность не руководствуется только языком, это наилучшим способом доказывали государства Германии. По аналогии можно сказать, что право на отделение от России могут иметь и те народы, языки которых считаются диалектами языка русского. Отделение может происходить по доводам политическим, социальным и экономическим. Что допустимо в Западной Европе и во всем свете, должно быть допустимо и на территории б. Российской империи.

„Если бы украинцы и москали говорили даже на одном языке, все равно это были бы две разных нации, ибо в своем быте, психике, культуре общества они представляют совершенно разные, а кое в чем и противоположные национальные типы" пишет доц. Бочковский, известный украинский национолог. Основная разница между московинами и украинцами совсем не заключается в языке, но в целом комплексе общественных, хозяйственных, культурных и даже природных отношениях.

Тоже самое целиком можно сказать и о Казачестве. Разность его от своих близкоязычных соседей — аксиома.

Не всегда родственность языка ведет и к государственному об'единению. Борьба фламандцев и валлонов против Голландии и Франции привела к созданию бельгийскаго народа и государства, и как раз на стороне Франции самым упорным образом боролись фламандцы, по языку родственные голландцам, а в то время, как валлоны (французскаго языка) относились безразличнее, а в то же самое время Франция, в отношении преследования фламандского языка (в Бретонии) не была ничем лучше России в отношении языка украинского, если еще не хуже.

Вообще же языки возникают не слиянием, а расщеплением; этот процесс показывает, что при полных благоприятных условиях каждый диалект имеет тенденцию сделаться языком. Таким образом, диалект липтовский в Словакии стал литературным языком словенским, а подкарпаторусский украинских русинов развивается в степень самосто-

ятельного языка, на котором идет обучение и в школах.

Само собою разумеется, что в целях практических необходимость одного какого либо общего языка чрезвычайно велика; не даром же славянские ученые уже продолжительное время серьезно заняты вопросом разработки общеславянского языка, в таких случаях общий язык может быть языком вспомогательным, наравне с материнским, что и имело фактически место на казачьих землях в отношении языка русского или в Американских СШ и Канаде в отношении английского.

Казачество, которое всегда проявляло абсолютную терпимость к языку, не может руководствоваться каким то языковым фанатизмом; оно должно быть с доводов практических если не многоязычным, то по крайней мере двухязычным, как это сейчас и есть в казачестве, где совершенно свободно рядом с иными употребляются все языки, на которых говорят казаки, как местные с их диалектами, так и литературные — русский и украинский.

Казаку непонятна языковая нетерпимость, потому что он не придает языку значения фетиша и охотно употребляет иные языки одновременно, то ли поючи песни, то ли в обыкновенном разговоре, особенно это проявляется у кубанцев. Кубанская интеллигенция и высшее офицерство никогда не стеснялось говорить между собою и с местным населением не по „пански“, а на местных диалектах; украинский язык свободно употреблялся в сношениях, а литературный русский играл лишь роль технического и административного языка.

По овладению Кубани Советской властью как раз там происходит языковый спор, в связи с постановлением советской власти об украинизации Кубани. Лет десять назад, в самое горячее время, мы видели, что само население и даже иногородние — выходцы из Украины не имели одной мысли насчет введения в обиход литературного украинского языка; украинизация хлеборобской газеты привела к катострофальному понижению подписки и по вопросу украинизации велись такие оживленные дебаты, каких еще не помнили советские органы, по их же признанию.

Несомненно, что в споре играли не малую роль так званные „малороссы“, которых на Кубани среди черноморцев было не мало, но раздавались и решительные голоса, указывавшие на кубанский язык или „жаргон“, как его полупрезрительно кой кто называл. Хотя этот язык признавал и наш великий кубанский ученый и духовный вождь казачьего национализма профессор Ф. А. Щербина. Общий же результат упомянутых дебатов, общая мысль противников и защитников была — необходимость упростить украинский литературный язык до степени „окубанения“ его, т. е. шел процесс аналогичный борьбе за язык в Подкарпатской Руси в сущности Украины.

Факт признания казачьими конституциями равноправности языков уже указывал на путь разрешения этого так больного для некоторых государств вопроса. На Кубани он был проведен последовательно в целостных языковых областях иных народностей. На казачьих территориях безусловно должны быть соблюдаемы права местного языка, на тех же войсковых территориях, где в значительной степени осело иногороднее украинское население вопрос применения их языка должен быть разрешен по кубански.

Существует же стремление к выработке общеславянского языка, почему же не может быть и стремления к созданию общеказачьего литературного языка? При всем том огромном количестве иностранных слов, принятых русским литературным языком, которые должны изучать дети Казакии в школах, и при всех тех невозможных германизмах и галлицизмах украинского литературного языка, совершенно чуждых уху и речи диалекту разговорной речи местного черноморского казачества или переселенцев с восточной Украины, создание общего языка, взаимно дополняющего и заменяющего инородные слова словами корня славянских языков было бы разумно и целесообразно. Ведь и теперь в разговорном языке казачества существуют даже такие звуки и слоги. изобразить которые азбукой невозможно, но для которых, например, в грузинском языке имеются соответственные знаки.

Конечно все это вопрос будущего, кардинальное разрешение которого прийдет только на освобожденных Землях в зависимости от политических и практических причин. Одно ясно, что казачьи дети должны учиться и литературным языкам по своим учебникам, а ни в коем случае по принесенным из за граннц, от соседей.

Создаем же мы Казакию, будем создавать и язык казачий.

ЧЛЕНЫ ДОНСКОГО ВОЙСКОВОГО КРУГА ПО ВОПРОСУ СОЗЫВА КРУГА.

(Ответы на запросы редакции)

I

Вопрос о созыве Донского Круга—вопрос огромной, жизненной важности для Донского Казачества и Казачества вообще; мировая политическая обстановка складывается так, что каждую минуту „на очередь“ могут быть поставлены судьбы народов, в том числе, конечно, и Казачества . . .

И вот тогда — Казачество по-праву должно быть не случайным элементом в политических пе-

рестановках, а огромным решающим фактором во всяких комбинациях...

А кто же может в такой ответственный момент взять на себя смелость — быть выразителем воли Донского Казачества без полномочий на то и не считаясь с этой волей?

Кто дерзнет решать судьбы Дона в обход Донского Круга—этого державного хозяина Дона?

Конечно никто: такой шаг — прерогатива Круга, и только он один, во имя исполнения священного долга, может и должен сказать свое твердое и определенное слово.

И еще: Член Дон. Круга Б. Н. Уланов, которому принадлежит честь первому поднять в печати вопрос о созыве Дон. Круга, правильно указал, что наше исключительное и очень сильное положение в Зарубежьи заключается в том, что мы отошли за границу. имея в наличии не только народ, но и наш парламент — Дон. Круг, свои Основные Законы, блюстителя их—Атамана, свою армию и проч...

Словом, мы оказались за рубежом организованным государством и здесь — на чужбине сумели сохранить даже свои бытовые начала, а с ними и свою жизненность и силу, с которою нельзя не считаться.

К сожалению, в свое время такая огромная ценность не была использована и был допущен ряд крупнейших упущений... Но форс-мажор затянулся, и сама жизнь вынуждает нас теперь вернуться к тому, что так легкомысленно было предано забвению.

И г. Уланов прав: Донцы ушли за границу не на отдых или прогулку и не за краюху черствого хлеба, нет, они унесли с собою завет Дона — **подготовиться и освободить Родные Края от рабских цепей**, спасти честь и славное имя Донского казачества...

А сделано ли что-нибудь для этого нами?

Нет, ничего.

Правда, путем самоорганизации, Донцы крепко держатся на чужбине. они не утратили порыва и воли к исполнению своего долга, но современные политические события застали нас неподготовленными: 15 долгих лет убито только на выжидание, — они потеряны безвозвратно.

Смеем ли мы и впредь испытывать долготерпение судьбы?

Доколе будем тешить себя надеждою на счастливый случай?

Неужели и перед лицом грозной опасности мы не стряхнем с себя предательского пренебреженья?

Нет, этого быть не должно!

Долой все хитросплетенья,— вернем Дон. Круг к его творческой работе. Тогда можно будет говорить и о заданиях его и о путях осуществления их.

Никакие трудности или препятствия не должны останавливать нашу решимость, — ведь перед нами вопрос нашего бытия, судьба родного Дона.

Если я не ошибаюсь, сами Члены Круга в массе давно уже подошли к сознанию необходимости оживления Круга: и в Югославии, и в Чехословакии, и в Болгарии и в других странах вопрос этот не только дебатируется, но ведутся и подготовительные работы по созыву Круга.

Но что особенно ценно, мысль о Круге захватила уже казачьи массы, которые принимают живое участие в подготовительных работах членов Дон. Круга.

Теперь попытаюсь подвести итог сказанному и ответить на ваши вопросы. Вы спрашиваете:

1. „Считаете ли осуществимым созыв Дон. Круга в эмигрантских условиях жизни?“

Да, я считаю созыв Дон. Круга вполне осуществимым, будем ли подходить к этому вопросу с принципиальной стороны или с точки зрения технической осуществимости. Возможно что тут придется преодолеть немало всяких затруднений, но — это уже дело самого Круга.

2. „Какое моральное и практическое значение может иметь созыв Круга?“

Моральное значение созыва Круга — возвращение на наши сильные позиции, чем мы подводим базу под наше зарубежное бытие и выходим на пути мировой политики элементом, с которым не считаться нельзя. Практически — мы переходим от безсознательного и нелепого выжидания к реальной возможности осуществить наши неотложные задачи.

3. „По какому принципу считаете возможным дополнить состав Круга представителями эмигрантской общественности?“

Пополнение Дон. Круга представителями Дон. общественности я лично считаю и желательным и справедливым. Я думаю, этот вопрос не составит больших трудностей. В свое время подобная поправка была внесена самим Кругом, когда на Круг были вызваны представители Донской армии.

По моим сведениям, в Праге — Президиум Круга, который развивает большую энергию в вопросе созыва Круга, уже теперь кооптировал в свою комиссию несколько человек не членов Круга, но энергичных и полезных работников. Тоже сделано в Сербии, где ведутся большие подготовительные работы.

4. „Допускаете ли возможным пересмотр данным Кругом того или иного пункта Донской Конституции?“

Не допускаю совершенно; Против этого самая идея Конституции. Кроме того статут Круга ставит этот вопрос в такие рамки, которые в Зарубежьи делает праздным самый вопрос.

5. „Делаются ли какие-либо подготовительные работы по созыву Круга?“

Список членов Дон. Круга и их местонахождение имеется в Президиуме Круга и у многих членов Круга. Проверка списка и адресов их производится. Что же касается вопроса созыва Круга, то ему должна предшествовать огромная работа по выяснению массы технических подробностей, что и составляет предмет заботы комиссии при Президиуме Круга.

Генерал **Х. Попов.** (Америка).

II.

1. Должен сказать. что· начиная с марта 1936 года, когда выяснилась полная никчемность нового Донского Атамана Граббе, я и мои друзья, путем печати, в письмах, докладах на многолюдных казачьих собраниях и при всяком удобном и неудобном случае, говорили и говорим казакам о необходимости созыва Донского Круга в эмигрантских условиях жизни. Доводы за и против? Большая часть доводов з а, разбросанных в моих писаниях к видным сынам Дона, вошли притом в некоторых местах с текстуальной точностью, путем, о которых я догадываюсь, в чудную по содержанию, великолепную по мотивировке и исчерпывающую вопрос во всей полноте статью Ш. Балинова: „Слово принадлежит членам Круга". Статью эту (да простит мне ст. Балинов) я, с помощью моих друзей из среды вольных и просто — казаков настоящих, размножил на машинке и разослал как видным членам Круга, так и заметным казачьим организациям в Югославии и Болгарии.

Большинство восприняло, — в дополнение ко всему тому, что ранее писал я и мои друзья, — основные идеи указанной статьи Ш. Балинова. Казаки благодарят организаторов проекта созыва Круга, обещают свою всемерную поддержку в этом деле, и это говорят как не граббевцы, так особенно разочаровавшиеся граббевцы.

2. Какое моральное и практическое значение может иметь созыв Круга нами давно уже было высказано, и это в главной своей части вошло опять таки в указанную статью Ш. Балинова. Повторяться не буду.

3. И о пополнении Круга до кворума нами в свое время был поднят вопрос, причем многие члены Круга и некоторые каз. организации, согласные вообще на пополнение Круга представителями эмигрантской донской казачьей общественности, высказывают пожелание, чтобы пополнение это было произведено по возможности из природных донских казаков. Как принцип, думаю, это пожелание разумно и жизненно (уж слишком много вреда казачьему делу принесли в емиграции приписные казаки!), но возможны и желательны отступления от этого принципа.

4 Относительно возможности пересмотра Донской Конституции, с целью изменения смысла той или иной ее статьи, скажу, что проектируемый Круг, конечно, не может вносить изменений в Основные Законы, да и нужды в этом нет.

5. Что касается числа членов и местожительства членов Круга, то я этот вопрос с достаточной полнотой выяснил, в особенвости в отношении балканских стран и сделал все возможное к лучшему восприятию членами Круга и вообще донскими казаками (тут, и в Болгарии, и во Франции) самой идеи о необходимости созыва державного Хозяина Земли Донской, Большого Войскового Круга.

Генерал **З. А. Алферов**. (Югосл).

III.

Идея возрождения Д. В. Круга правильна и является единственным и с т о р и ч е с к и м ответом Донского Казачества на все происшедшее. Но никто не может поручиться, что она б у д е т осуществлена в ближайшее время. На пути к этому лежат серьезные препятствия. Но правильные исторические идеи рано или поздно осуществляются, если общество, являющееся носителем этой идеи, жизнеспособно и имеет историческое оправдание для своего существования.

Др. **Б. Уланов**. (ЧСР).

Агр. И. М. Евсиков (Болгария)

ОСКОЛОК СТАРОЙ КАЗАЧЬЕЙ ЭМИГРАЦИИ.

Недалеко от города Варны (портовый город Болгарии) находится одно селение особых людей, которых там называют различными именами: липованами, казаками и русскими. Живут они себе небольшим хуторком, не доставляя особенных забот болгарскому правительству. Скромные в своих желаниях и молчаливые в своих поступках, они оставались все время как-то незамеченными в политической жизни, да и теперь желания поднимать шум вокруг себя у них нет.

Давно интересовался я этими людьми, ибо и считал их потомками старой казачьей эмиграция, предки которых покинули родные земли во времена Петра I или Екатерины II. Прошлым летом, проезжая через Варну, я посетил это селение. Оказалось, что я не ошибался. Они оказались чистокровными казаками. Нашел я там именно то, что мне хотелось видеть. Хуторок, состоящий из 80-90 просторных дворов, недавней планировкой разделен на две части — новую и старую. Новая планированная часть застроена новыми и доволчно живописными домиками в чисто казачьем стиле. Старая же часть со старыми хатенками постепенно уменьшается по мере того, как только хозяин. собравшись с силами, строит домик в новой части хутора. Хутор расположен на берегу большого озера,

который оброс густым самым настоящим кубанским камышем.

При входе в этот хуторок невольно чувствуешь атмосферу казачьих земель. Каждый уголок напоминает о далеком родном доме. Домики, обыкновенно, покрыты камышом и почти к каждому жилому помещению приделана завалинка, усевшись на которую старики частенько гутарят о славном прошлом.

Для посещения этого хутора я выбрал нарочно праздничный день, чтобы застать самих казаков дома. На первой же улице хутора я встретил т. н. „улицу", т. е. собрание мужчин и женщин, празднично одетых, занимавшихся лущением подсолнечных семян. Около этой группы хуторян играют голопузые маленькие казачата. Пристально стал вслушиваться в ихнюю речь и, к моему удивлению, я открыл, что язык их до поразительности похож на чисто донской или на речь кубанских казаков старой линии. В разговоре с ними я констатировал отсутствие некоторых казаьих слов в моем лексиконе; собеседники же мои настойчиво напоминали мне о существовании таковых. Здесь же я убедился, что, не смотря на то, что они рождаются здесь, выростают и живут на болгарской земле, зачастую не знают болгарского языка, особенно женшины.

Пройдя целый хутор, я увидел несколько таких групп, занимающихся лущением подсолнечных семячек. (Между прочим болгары такого навыка не имеют). Пожелал я войти в домик, что тотчас же одним из присутствующих казаков было исполнено, и хозяин дома был особенно любезен, когда узнал, что я — казак.

Внутренность домика (вернее домиков, т. к. я заходил в несколько домиков) совершенно такая же, как на Дону или на Кубани. По казачьему сложена груба, служащая для отопления нескольких комнат, и казачья печка, где обыкновенно греются зимой старики. В каждом домике существует, так называемая „горница", т. е. чисто убранная комната, которая служит для приема гостей. Главный угол этой комнаты украшен множеством икон, лампадой и занавеской.

Ярко бросается в глаза гостеприимство этих людей; в знак признательности ко мне подарили моей жене красиво изработанный чепчик. Эти люди по своему внешнему виду совершенно отличаются от окружающего их населения; рослые, с большими борадами и с чисто казачьим лицом — признаки, которые отстраняют всякое сомнение о происхождении этих людей. Одеваются они по казачьи — рубаха с поясом и „станичные" штаны. Женщины носят кофточки и широкие юбки; на голове носят чепчик и платок, подвязанный под подбородком.

Спрашивал я их об истории ихнего переселения; на этот вопрос они затруднялись ответить, ибо два века скитания по чужбине оказали свое действие. По своей малограмотности, они не могли записать и сохранить сведения о своем прошлом. По преданию знают, что они казаки и давным давно поселились у устья Дуная. Знают, что такие же казаки живут и в Румынии возле города Тульча.

По вероисповеданию они старообрядцы до фанатизма. Сильный фанатизм у них проявляется во всем; они, например, не женятся на болгарках, как и не позваляют девушкам выходить замуж за болгар. Если же у них не хватает женщин, то парни едут в Румынию искать себе невесту-казачку, Несмотря на такие строгости, они, например, позволили одному кубанцу нашей эмиграции жениться на одной ихней девушке, чем показывают-что мы казаки им близкие люди и они нас счита. ют своими.

Посты соблюдают строго; детей своих посылают только в свое училище, где уч тель опять таки из ихней среды, и школа содержится исключительно на скудные средства хуторян.

После всего виденного, мысли невольно заработали быстрее. Невольно встает мысль. как хорошо бы было поучиться Абрамовым, Граббе и др. у этих простых казаков: не приказы и распоряжения по несуществующим корпусам, а сознание, сохранение своего прошлого связали крепко этих людей, при чем так, что более чем 200-летнее изгнание не смогли сокрушить волю хуторян. На лице каждого казака ясно было написано непреклонность духа и твердость воли с девизом „жертвовать личным ради общего". Как я уже упомиал, что они отказались от предложения правительства расселить их на земли и это ради твердого желания сохранить свою физиономию.

Не мешает также поучиться и нам, вольным казакм, у этих простых рыболовов. Не в пример им, мы часто забываем своего казачьяго Бога, часто забываем чему служим и ради чего живем, когда эти простые по укладу жизни казаки рыболовы-прежде чем предпринять что-либо, всегда думают — „а не грешно ли это, не разгневится ли Бог за его поступок?"

Станичники, пора бы и нам ясно осознать своего Бога, ибо всякий день может наступить „1917" год и, если еще раз упустим этот момент, тратя время в спорах, то лучше поставить крест теперь же на все наши чаяния. Вольно-Казачий „Бог" один, давайте же все ему одному кланяться. Вспомним простой рассказик из букваря о венике- связанный веник трудно разломать, чем развязанный. Простой рассказик, но смысл его глубокий.

Давайте же и мы свяжемся в одну семью, чтобы представлять вдвойне большую силу, чем мы теперь. Основа связи у нас налицо—идея освобождения Казачества ярко вырисовывается в сознании каждого. При этом всегда нужно помнить мудрые слова простого казака, члена Д. В. Круга: „пригребай к своему берегу".

Слава Казачеству!

Ноябрь. 1936 г.

С. Б. Балыков (ЧСР)

ПО МОМЕНТУ.

I.

Один из важнейших и неизбежных процессов в общественной жизни народа — смена поколений национальных деятелей — в нормально проживаемое время, в обычной обстановке, протекает исподволь, незаметно. Но годы бурных событий, носящих характер национальных катастроф, ломают этот мирный ход процесса. Как бы могучим дуновением стихии живыми или мертвыми, массами сходят со сцены вчерашние фигуры, и жизнь в новых условиях, в новой обстановке, выдвигает новых людей.

Эта массовая смена лиц наиболее явственно осязается в области руководства общественно-политической жизнью народа. (Например, смена членов Росс. Академ. Наук или профессуры в университетах никем почти остро не чувствуется, тогда как смена лиц в Кремле дает остро чувствовать всем слоям всех народов былой империи).

Новизна положения на общественно-политической аране тем более чувствительно переживается теми людьми, кои по своим возрастам принадлежат к уходящему поколению национальных деятелей. В этом отношении интересное явление наблюдается в общественной психологии казачьей эмиграции, и оно имеет свое об'яснение.

В жизни и истории былой Российской империи играя роль военного фактора, и в своей общественной жизни казачья масса привыкла придавать превалирующее значение людям военной професси. Идеалом казака был лихой генерал. Три пореволюционных года, которые прошли в напряженной и кровопролитной войне еще больше духовно сблизили казака и генерала, и значение военной профессии в сознании казачьей массы возросло еще больше. Нет никакого сомнеения, что, окончись та война для Казачества удачно, лихой генерал на многие десятилетия заслонил бы собою на общественной арене представителей всех других профессий.

Но так как та война была состязанием не только военных сил, но и борьбой сил политических, каковых у Казачества не было, случилась грандиозная катастрофа. Нормальный ход общественных процессов в жизни Казачества был стихийно нарушен. Новая и чрезвычайная обстановка непременно должна была вызвать и новые процессы, достойные внимания социологов.

Не имея возможности с полной компетентностью судить о процессах среди казаков, оставшихся дома под властью коммунистов, в жизни эмигрантского казачества нельзя не отметить двух любопытных явлений:

а) Духовный кризис всех бывших руководителей казачьей общественно-политической жизнью, в результате всестороннего краха руководимой ими борьбы, и полное, вполне заслуженное, падение их престижа в среде казачьего молодого интеллигентного слоя. Это — с одной стороны.

б) С другой стороны — частичное сохранение былого генеральского ореола в сознании рядовой массы казачьей эмиграции, преимущественно в среде пожилых возрастов, каких большинство.

Оглушенная катастрофическим поражением, обездоленная изгнанием и рассеянием несчастная казачья масса, не будучи в силах критически разобраться в причинной связи случившегося, не представляя себе неизбежного хода событий в будущем, инстинктивно продолжает оглядываться на тени былых командиров, ожидая от них спасительных слов и дел. И чем темнее казак, чем больше он придавлен жизнью, тем это ожидание крепче, а думы и мысли уже и короче...

А время, между тем, идет и несет свои изменения дальше. Прошедшие 17-18 лет изменили многое: Почти полностью отошли от активной жизни и деятельности наши старые вожди. Как говорится, „одних уж нет, а те далече“... А рядовая масса пожилых казаков этого почти не замечает, как не замечает она и того, что и сама то уж значительно полиняла. Былой боевой урядник и кавалер, грозный вахмистр, не замечает того, что полутора десятка лет, проведенных им в тяжкой борьбе за кусок хлеба на чужбине, и душевные страдания превратили его в морщинистого полустарика с пошатнувшимся здоровьем. Горько это видеть, но это — факт.

Только поэтому, в результате такого психологического состояния, значительная часть рядовой казачьй массы не замечает того, что в эмиграции подросли и возмужали младшие поколения и что они, в лице своей интеллигентной части (в лице докторов, инжинеров, журналистов, писателей и молодого офицерства), фактически заменили отошедший старый кадр общественных деятелей.

Но по той причине, что они (новые деятели) в качестве народной массы имеют перед собою людей не их поколения, а большею частью стариков, связанных духовными нитями с отошедшими лихими генералами, то появление целой кучи „молодых“... „на Дону никому неизвестных“, людей, которые смело проходят мимо живых и мертвых теней былых вождей, по своему смело ставят вопросы и по своему их решают, для рядовой массы кажется каким-то ненормальным явлением, каким-то бунтом.

Чтобы яснее быть понятым читателем, я иллюстрирую мое суждение двумя случаями, которые мне самому приходилось наблюдать:

1. „Дык, чивож, погибло усе!... Гусельщиков помер, Богаевский помер, Секретев продалси, кабы ишо Мамантов был живой... Никаво не осталось, не за кем иттить!...“ — это говорил простой неграмотный казак, уже постаревший, полубольной, оперированный, давно безработный, который никуда уже идти не способен. Но не видит этого, как не сознает и того, что и те люди

которых он вспоминает, уже не были бы способны куда-либо их вести, если бы даже были живы.

2. „На старых вождей нам совершенно нечего оглядываться. Они проиграли борьбу. Они вышли в тираж, они отстали от жизни. Они не способны шагать в ногу с нашим временем. Задача спасения Казачества отныне легла на нас, на молодую национальную интеллигенцию. Только идя за нами, за своим интеллигентным молодым кадром, Казачество спасется!" — это говорит казак инженер, националист.

И вот это противоречие сушествует уже несколько лет. Явление это весьма нехорошее, даже опасное. Рядовая масса неправа, ибо старых вождей, лихих генералов, которые когда-то водили их в атаки, все равно, уже нет. Это нужно понять. Если она до сих пор этого не понимает, то не может сознателъно заблуждаться интеллигенция. А кроме того, и задача данного момента совсем иная. Не в атаки водить, а хорошую политику нужно делать нынешним руководителям казачьей общественности. Старые генералы на эт[illegible] не пос[illegible] (исключения мы безуспешно ищем) Но у казачьей эмиграции есть молодая, активная, подкованная знанием, национально настроенная интеллигенция. Это тоже — факт, и казакам за него и нужно держаться для своего спасения.

Рядовая казачья масса эти два факта (что старых уж нет, а новые есть) должна принять в расчет, примириться с этим и прислушиваться к их голосу. Они должны помнить, что смена поколений дело естественное и нормальное. Только массовый характер этой смены делает этот процесс слишком очевидным, да чрезвычайные обстоятельства (явления эмиграции) усиливает это впечатление.

Исчезновение старых вождей и утверждение молодых заметно бросается в глаза, если внимательно рассмотреть ведущие фигуры каждой казачьей политической группы, тем более, если присмотреться к казачьей прессе.

II.

Я помню случай, когда на праздновании 5-тилетия журнала „ВК" в группе волчноказачьей интеллигенции зашел разговор о том, что такое Вольное Казачество — революционное ли это движение, или эволюционное?... Совсем недавно мы имели случай наблюдать, как некоторые из видных наших сотрудников готовы были определять Вольное Казачество... как не политическое движение, а вольных казаков как не членов политической партии. И это в среде передового слоя!..

Из материалов, поступающих в редакцию из среды рядовой массы, видно, что там существует еще более разнообразное представление о Вольном Казачестве. Это обстоятельство требует того, чтобы по вопросу — что такое Вольное Казачество и кто такие вольные казаки — было раз и навсегда дано безспорное, краткое и точное об'яснение, ибо всякая цель тогда только бывает успешно преследована и достижима, когда люди, преследующие ее, имеют о ней одно и верное представление.

Для того, чтобы верно установить — что такое Вольноказачье движение, нужно точно определить характер его предмета, содержание вопроса, который оно стремится разрешить и какими способами и средствами оно собирается оперировать.

Казачья территория оккупирована завоевателем — соседним народом. Часть казачьего народа ушла заграницу, а часть уже скоро 20 лет находится в закабаленном состоянии. Это — точное существующее положение.

Вольное Казачество (казачье национальное движение) стремится насильственным путем изменить это существующее положение. А по определению политической науки — „организованное стремление к насильственному, стихийному изменению, существующего порядка и положения, называется революцией".

Таким образом — **Вольное Казачество есть революционное движение.**

Но определение его революционности еще не означает его политичности или неполитичности, ибо революции бывают и в науке и в искустве. Для ответа на вопрос — политическое ли движение ВК. или нет, нужно установить область, в которой данное движение собирается произвести революцию и характер ее самой.

Цель ВК. — национальное освобождение Казачьего народа; характер творческой функции — государственное строительство, т. е. по обоим моментам вопрос вращается в области судьбы определенного человеческого общества. А „деятельность в области общественного устройства называется политикой"

Отсюда ясно, что Вольноказачье движение никоим образом нельзя вывести за политические рамки, а деятельность вольных казаков (казачьих националистов) из сферы чистой политики. Но так, как политика имеет множество разновидностей, то Вольноказачье движение по своему характеру представляет из себя политику национальную (касается судьбы всей нации), в отличие от политики социальной, классовой, защищающей интересы одного какого либо общественного класса.

Таким образом, — **Вольное Казачество это —революционное, национально-политическое движение**. Это определение уже само указывает на то, что вольные казаки (казаки-националисты), и по характеру поставленной цели, и по характеру проводимой работы, являются казачьими революционерами национал-политиками, а Вольное Казачество в целом — **национально - политической партией**, т. е. об'единением людей, организованно преследующих одну общую политическую цель.

III.

Вышеустановленные определеиия и положения сущности Вольного Казачества должны были быть установлены с первых же дней появления Вольноказачьего движения. Но этого сделано не было. Вообще все действия и проявления тогдашнего вольноказачьего центра носили совершенно неорганизованный характер. Поэтому движение воспринималось кажным членом по своему. Каждый в нем видел то, что ему хотелось. Это обстоятельство и породило значительную неразбериху, отчасти сохранившуюся и до сего дня. Только вследствие этого среди нас и теперь встречаются люди, которых пугает слова: „политика", „партия", революция', тогда как им среди нас, среди идейно руководящего кадра, места не могло быть.

Мы делаем национальную политику. Мы стремимся к национальной освободительной революции. Если народ не видит путей собственного спасения, мы ему укажем его. Если он не захочет понять спасительности этого пути, мы поведем его и вопреки его воле. Мы не можем мириться с тем, чтобы он шел по гибельному пути. Утопающего спасают, не спрашиваясь его мнения. Спасение народа можно ему навязать организованной волей патриотов. Поэтому людям, желающим найти у нас какое-то литературно-музыкально-вокальное, или религиозно-философско-теософское семейство у „Зеленой Лампы", среди нас места нет.

Точное определение сути Вольного Казачества, как политической партии, имеет чрезвычайно важное значение потому, что оно автоматически ставит каждого ее члена на его место в смысле осознания своих прав и обязанностей; оно предопределяет заранее образ его поведения по множеству важных моментов. Осознание себя каждым членом политической партии невольно заставляет его держаться какого то общего основного напр вления, быть сознательно действующим индивидуумом, подчиняющимся принципу взаимодействия, управления и подчинения, без чего совершенно не возможно целесообразно устремлять коллективную волю, разум и силу к намеченной цели. Только подчинением принципу взаимодействия член организованного общества (партии) отличается от человека толпы, где каждый имеет свою цель и действует самостоятельно, независимо от того, что делают остальные.

Долго Вольноказачье движение, в смысле внутренней организации и даже в отношении своего состава, ничего определенного из себя не представляло. Периферия не знала свой центр, а центр не знал ни своих сотрудников, ни свою массу...

Но как и всякая материальная масса очищается и выделяет из себя основное и ценное только в результате известных процессов; как железо принимает нужную форму после горна, молота и наковальни, так и вольноказачье движение должно было много (о, как много!) пережить, пока не подошло к организационной стройности и не дожило до кануна построения в ряды своих членов.

Итак, на десятом году, наше движение, ходом внутренней жизни, выделило в своем составе группу лиц, явно осознавших сущность движения, свои права и обязанности, как членов политической партии, со всеми, отсюда вытекающими необходимостями.

И только с этого момента и только вокруг этого ядра начнется правильная организация вольноказачьих сил, правильная фучкция частей и целого, необходимое взаимодействие, и только эта группа определит конечную судьбу движения, ибо,.. „Все революции, добившиеся успеха, были сделаны группой сильных и способных руководить толпою людей" ...

Как и по какому признаку подобрано центральное ведушее ядро Вольного Казачества?... Во-первых, никто его не подбирал. Как истинные друзья человека узнаются при действительной беде, так и истинно ценные элементы движения сами выделились добровольными действиями в наиболее трудные годы внутренней жизни Вольного Казачества. Первоначальное ведушее ядро организовалось само по себе.

Неизменная духовная твердость в идее, несомненная вера в самих себя, бескорыстность, сознательная жертвенность, солидарность с волей большинства своих ближайших соратников, трезвость во взглядах, умение отличать важное от второстепенного — вот что отличает центральные фигуры от людей второстепенных, или политически не созревших.

Процесс отбора и роста основного ядра, конечно, еше не закончен. Оно продолжает медленно вбирать в себя всё, что есть лучшего и ценного в казачьем интеллектуальном слое в эмиграции. Но если первое ядро сплавилось и оформилось самопроцессом, то отныне, при наличии организованного кадра ведуших сил, отбор будет протекать уже организовенно.

(Окончание следует)

Инж. Д. Н. Еременко (ЧСР).

О пропаганде казачьей государственности

Нельзя не констатировать факт значительного расширения и прочного внедрения вольноказачьей национальной идеи в толщу казачьей массы. Национальное сознание казаков всех войск за последние годы, как результат настойчивой и непрерывной общественной работы казачьих патриотов, достигло значительного уровня. Ряды казаков националистов все время пополняются новыми, свежими казачьими силами.

Идея устройства казачьей жизни на Казачьей земле на основе казачьего исторического порядка, права, специфически казачьего общественного быта приобретает все большее и большее количество сторонников.

Идея возобновления самостоятельного казачьего государства медленно, но неуклонно, пробивает себе дорогу и во внешнем мире. И здесь решающие факторы начинают проявлять надлежащий интерес к казачьему вопросу, как национальной проблеме.

Но из факта безспорного роста авторитета казачьего национального движения неправильно было бы делать вывод о том, что теперь можно казакам-националистам успокоиться, положиться на авось, предоставив дело самотеку. Для подобного благодушия и самоуспокоения нет оснований. Порыв, дерзание, упорство, последовательность, систематичность и жертвенность остаются по прежнему для нас основными принципами во всей нашей работе по достижению великой цели — освобождение нашей Родины из-под чужого гнета.

Большой путь национальной работы пройден. Много сделано. Много препятствий преодолено. Но все это лишь начало намеченного нами пути Главная, ответственная, большая и разнообразная работа еще впереди.

Встают новые, сложные и неотложные задачи перед нами. Одной из этих задач, колоссальной важности для нашего общего дела, является расширение, углубление и поднятие на новую, должную высоту пропаганду идеи образования самостоятельного казачьего государства, как среди казачьей массы самой, так и среди иных народов.

До сих пор работа в этом направлении не совсем правильно велась, так как вся тяжесть ее лежала исключительно на плечах немногих лиц. Остальная вольноказачья масса находила это как бы в порядке вещей. Масса на местах ограничивалась только чтением вольноказачьих журналов и считала, что пропаганда ВК. идеи — это удел отдельных, ими избранных и их возглавляющих лиц. Подобное представление в корне ошибочно.

Конечно, пропаганда сама по себе дело серьезное и ответственное. Для образцовой широкой пропаганды необходимы большие знания, умение и даже врожденная к тому способность. Безусловно этим делом должны руководить люди с широкой (даже специальной) подготовкой, опытом и образованием; промах, иногда даже невинного характера, может принести в этой области большой вред общему делу.

Но, в то же время, несомненно, что руководящий центр сам не может охватить все широчайшие слои казачьей массы и указывать каждому члену каждый его шаг, не может центр вникать во все детали деятельности каждого своего члена. Существует общая база, дано общее направление, есть известные политические и организационные формы и рамки, а дальше уже каждый член, соблюдая главную линию, должен проявить свои способности сам путем самодеятельности в той обстановке, в которой он находится.

Пропаганда освободительной идеи должна вестись каждым и всюду. Каждый наш сознательный член сам должен стать на эту работу. Для более широкого и глубокого внедрения казачьей национальной идеологии в толщу казачьих и иных народных масс необходимо значительно повысить политическую активность всех рядовых казаков-националистов.

Лично я полагаю, что каждый казак, исповедующий казачью национальную идею и состоящий членом в вольноказачьей организации, в порядке исполнения своего долга перед Родиной и угнетенным казачьим народом, должен систематически при каждом удобном случае, вести, так сказать, частичную пропаганду вольноказачьей идеи от лица к лицу, в окружающей среде, все равно—казачьей или иностранной.

Безработность, которую многие из нас проявляют к пропагандной работе, не может быть дальше терпима. Наступило время проверки политической активности и национальной зрелости наших организованных членов. Наступило время установления в наших рядах твердых порядков и ясных обязанностей. Мало исповедывать идею, надо для нее и работать.

Как иллюстрацию результата подобной повседневной мелкой агитационной работы привожу следующий мне известный случай: В одном из городков в ЧСР казак-националист руководил строительными работами. За время пребывания он знакомится с местным чешским обществом. Особенно подружился с народным учителем, интеллигентным и образованным человеком. Представление о казаках у него было самое превратное. — Казаков он считал привеллигированным классом русского народа, опорой павшего царского режима, свирепыми нагаечниками и невежественными и дикими угнетателями русского трудящегося населения. Вообще взгляд его полностью совпадал с традиционной рекомендацией казачества русской либеральной интеллигенцией.

В течение месяца этот казак-националист методом убеждения, смелыми и исчерпывающими обоснованиями, глубиной своей искренности и логики в корне изменил взгляд своего друга-чеха на казачество. Расстался он с ним как с большим поклонником и приятелем казачьего народа. Через несколько месяцев казак-националист снова возвращается в этот город и узнает приятную новость. Оказывается, его друг не ограничился пересмотром личного взгляда на казачество. За прошедшее время он сильно повлиял на мнение почти всего населения этого городка. По казачьему вопросу он устроил несколько публичных лекций. Своим ученикам дал сведения о казаках по данным казака-националиста. Вообще судьба казачьего народа, будучи в общих чертах сходной с судьбой чешского народа до их освобождения и государственного возрождения, произвела на этого чеха-учителя большое впечатление, и он проникся горячим желанием оказать этому народу-страдальцу посильную моральную помощь хотя бы тем, что будет в своей среде внедрять правильное представление о казаках, их истории и быте.

В моей личной повседневной рабочей жизни тоже было не мало случаев характерных и курьезных случаев, один из которых ниже привожу:

По делам службы являюсь к инженеру Х (чеху), занимающему высокое положение. Сделал, что было надо. Собрался было уже уходить, но перед

самым уходом совершенно случайно завязывается между нами разговор об общем политическом положении. В разговоре он улавливает в моем выговоре иностранный акцент.

— Да вы ведь русский, почему же раньше не сказали — вдруг обращается он ко мне по русски — я, ведь, русский стародруженник-легионер?

— К сожалению, господин инженер, должен вас разочаровать — я не русский, я — казак—спешу его осадить.

— Да что вы, что вы, разве казаки не русские!? — изумленно восклицает он. — Ведь казаки так храбро дрались с немцами, да и на Сибири это был надежный народ; мы, чехи-друженники, почти всегда исключительно с казаками вместе ходили на разведки и любили казаков за храбрость... А знаете — вдруг снова обращаетсз он ко мне — я абсолютно ничего не понимаю. Еду это дней десять тому назад в поезде; напротив сидят две интересные дамы. Слышу, говорят по-русски. Люблю русских, а потому, не преодолев желание поговорить по русски, обращаюсь к ним: — простите, вы русские?

— Нет, нет... —отвечают, — я — донская казачка, а вот она — украинка.

— То есть, русские, значит — продолжаю я.

— Если мы русские, то тогда, простите, вы— австриец... пора вам уже в этом разбираться! — резко закончила свою речь незнакомка

— Признаться, мне было после этого так стыдно, что должен был перейти в другое купэ. А теперь, вот вы... Об'ясните, пожалуйста, — продолжает инженер, — в чем, собственно, здесь дело? Признаться, в народном вопросе России неразбираюсь и считаю всех из России русскими.

С сотвстствующим об'яснением я не замедлил. А результат?! В этом селении за меня потом агитацию о казачьей государственности, о стремлениях казачьего народа, вел, собственно, мой новый знакомый инженер, у местного населения пользующийся большим авторитетом и уважением.

Приведенные примеры сами по себе, конечно, как будто незначительны, но при массовом их явлении, такие случаи будут иметь большое значсние. Общим, широким и могучим фронтом, привлечением к работе, и к большей активности всех казаков националистов только и можно добиться осязательных результатов и значительных успехов.

Не менее важной очередной задачей в деле пропаганды казачьей государственности является проникновение казачьего вопроса на страницы иностранной печати. Тыл и неисчерпаемую базу для будущей национальной активной борьбы необходимо заблаговременно и основательно подготовить, дабы потом, что называется, после драки кулаками не махали и не чесали затылки, как это сейчас делают наши „отцы" после неудачной казачье-русской войны в 1918-19-20 годах. Необходимо сейчас уже подготовить общественное мнение Европы и остального мира в пользу благоприятного и справедливого разрешения казачьего вопроса. Нельзя ограничивать пропаганду в пределах лишь своей казачьей массы. Этого совершенно не достаточно. Надо с неменьшим напюром, порывом и настойчивостью работать и по фронту внешнему, ибо он важнее внутреннего.

Особого внимания заслуживает в этом отношении работа пражской группы руководящего кадра ВК., особенно работа Д-ра С. Федорова, который за последние годы поместил множество статей и очерков по казачьему вопросу в различных иностранных газетах и журналах. Работа Федорова в этой области стала настолько обширной, что некоторые иностранные органы стали обращаться к Федорову с предложением снабжать их материалами по казачьему вопросу.

Для казачьих националистов, проживающих и в других странах, думается мне, есть возможность для подобной же работы. Нужно обратить внимание и на то, что наиболее реальная борьба против расширения коммунистического дурмана в Европе и подобающее освещение национального вопроса в СССР возможно только на страницах иностранной прессы. Страницы эмигрантских журналов и газет едва ли привлекают внимание иностранцев.

Пропаганда могучая сила. Развив ее в широком масштабе, умело организовав ее по способу массовой самодеятельности и ведя настойчиво, каждодневно и систематичести, можно добиться блестящих результатов как на поле внутреннем—среди казаков, так и во вне, т. е. среди иностранцев.

В эту работу нам необходимо всем включиться и работать с чисто казачьим упорством, выдержкой и дисциплинированностью. Мягкотелым и ищущим лишь атаманских постов, или предпочитающим находиться в состоянии мещанского благополучия, самодовольно ограничиваясь лишь вопросами личного благополучия или узко местного интереса, среди нас, членов казачьей национальной революционной политической партии, делать нечего. Вольно-Казачье национальное движение это великое и беззаветное служение своему народу; исповедание вольноказачьей идеи — лучший вид казачьего национального патриотизма. Носители этой идеи в своих поступках должны руководствоваться лишь мыслью о благе своего народа. Мы все равны, все мы братья по идее, и каждый должен работать по своим способностям и умению.

Единым и руководящим для каждого из нас в нашей деятельности является наш внутренний организационный закон, соблюдая который мы гармонически сочетаем наши действия для лучшего развития нашего движения.

Время и мировое положение — серьезное, поэтому за работу надо взяться всем дружно, не ожидая что за нас кто то в нашу пользу что то сделает. Сейчас мы живем в момент весьма близкий к всеобщей развязке. Потенциальные силы, накопившиеся в мире, огромны. Недалек тот час, когда эти скрытые силы превратятся в силы динамические. К моменту взрыва мы должны закончить подготовительные работы. Только крепко устроив наш тыл, использовав всё, мы можем с надеждой на успех начать нашу последнюю и решительную борьбу за наше право на свободную и самостоятельную жизнь.

1937. I.

А. Лысенков (Фр).

УРОКИ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО.*

То, что в настоящее время происходит в мире, не может не интересовать нас, казаков. События очень быстро приближаются к развязке. Мы знаем, и это подтверждается всей печатью, что в настоящее время проснулся национальный мир и повел энергичную борьбу с красным интернационалом. Эта борьба ведется с успехом в сторону национальных сил, а красный интернационал, основанный на лжи и деспотизме, не по дням, а по часам, сдает свои позиции.

Поэтому, Казачество, являясь ярым врагом интернационального мира, естественно, живо воспринимает и горячо обсуждает ныне происходящие в мире события, стараясь найти в них направление и факторы, могущие способствовать делу освобождения и возрождения родного нашего Казачества. Разумеется, правильно расценивать происходящие события и возлагать на них надежды могут только те казачьи организации, которые имеют свою определенную политическую цель и во имя ее неустанно и жертвенно работают. Иначе говоря, казаки прежде всего обязаны произвести „переоценку ценностей", тщательно разобраться в причинах нашего прошлого поражения, наметить свою Казачью Задачу, избрать свой Кзачий Путь и заранее об'единять свои силы, создать единый казачий кулак, чтобы в нужный момент действовать не с растопыренными пальцами, а единым монолитом.

Но, к великому нашему сожалению, среди Казачества наблюдается какой-то прискорбный разнобой, что безусловно, в нужный момент, может вредно отразиться на жизненных интересах Казачества. Руководимые добрыми побуждениями, искренно желая блага Казачеству, многие казаки до сих пор не учитывают тех своих ошибок, в силу коих была сломлена героическая 3х-летняя казачья борьба против большевиков, а мы вот уже шестнадцатый год скитаемся по чужбине, как бездомные скитальцы.

А одной из самых главных наших ошибок в прошлом было — заключение (пусть даже невольное) военно политичесского союза с Добровольческой армией, руководимой старыми генералами, боровшимися против всего русского народа за восстановление старых порядков. Заключая такой союз с руководителями белой России против России красной, Казачество тем самым подписало себе смертный приговор, ибо руководители и той и другой имели одни и те же конечные цели— оккупацию и порабощение наших Казачьих Краев. По утверждению самого ген. Деникина Добровольческая армия вела „классовую борьбу". И это невольное смешение с русской „классовой" армией наложило печать черной реакции на чисто народную казачью национальную борьбу. В силу именно этой роковой ошибки Казачество было побеждено.

Параллельно с казачьей героической борьбой, но с другими конечными целями, некоторые народы бывшей России повели борьбу и с красными и белыми русскими за свою государственную самостоятельность, и они достигли своей цели. Перед нами неопровержимый факт: прошло уже много лет, вновь образовавшиеся государства на территории б. России, как-то — Финляндия, Эстония, Латвия, Литва и Польша живут и благоденствуют, а население этих государств не подвергается тем жестоким мукам, которые терпит Казачество.

Итак, народы, поставившие своевременно свою национальную задачу правильно и за нее боровшиеся, достигли своей цели, а мы, казаки, погнавшись за двумя зайцами (Россия и Казачество!), очутились у разбитого корыта.

Этот пример я привел для того, чтобы ярко показать вам, как гибельно отражается неопределенность политики руководителей народа на его судьбе, к каким роковым и страшным последствиям приводит политика сиденья на двух стульях, служение двум богам — и нашим и вашим.

Один раз Казачество, в недавнем прошлом, упустило для себя благоприятный момент, когда оно могло отстоять свою государственную независимость и нормально развиваться наравне с другими освободившимися народами. Но, как я уже сказал, события развертываются с большой быстротой. Может наступить опять желанный момент, когда казаки смогут истправить свои прежние ошибки.

То Казачество, которое находится под игом красных не в состоянии проводить идеологическую работу, произвести переоценку ценностей, наметить и правильно формулировать казачью основную цель. Оно находится под бдительным оком красных чекистов. Оно, не формулируя свою политическую программу, в течении долгих и страшных лет, тихо, но упорно ведет упорную работу, оказывая активное противодействие советским мероприятиям. За такое свое сопротивление наши братья там несут тяжкие и дорогие для нас жертвы. За это время в казачьх Краях борьба не прекращалась. Там есть наша главная живая сила, готовая даже с голыми руками броситься на своих врагов — красных палачей.

На нас, казаков-эмигрантов, лежит тяжелый долг перед нашими тамошними братьями: определить наше казачье политическое лицо, наметить наш казачий путь, найти себе достойных и серьезных союзников, словом сделать все от нас зависящее во имя спасения наших Родных Краев.

— Что же мы можем сделать? — спросят меня. Отвечаю; очень и очень много! Но всякое дело требует хорошо разработанной программы и определенного плана действий. Такая программа разработана казаками-националистами, и они ведут определенную работу в этом направлении. Задача, поставленная казаками-националистами есть задача всего Казачества, а поэтому все казаки должны об'единиться и общими силами стремиться к осуществлению намеченной задачи. По пословице: один за всех и все за одного, казаки, всеми силами должны стремиться к созданию своего самостоятель.

*Доклад, прочит. авт. в Орлеане в дек. 1936 г.

ного и ни от кого независимого казачьего государства. Только образовав свое государство, Казачество сохранит себя. При всех других положениях, нами уже испробованных, мы превратимся в пыль, которую буйные ветры бесследно разнесут по земному шару.

Стремясь к национальному возрождению Казачества, мы, казаки-националисты, отлично учитываем, что борьба наша не из легких. Мы знаемъ, что у нас, казаков-националистов, весьма много врагов, как среди русских, так и среди нас самих. Но эти враги для нас не страшны. Помимо врагов мы имеем и очень сильных союзников. Те казачьи интеллигенты, которые восстают против нас, являются просто-на-просто политическими банкротами, ибо развивая в наш адрес демагогию, не предлагают ничего реального, а все проповедуют те же пути, по которым мы пришли заграницу. Значить, если следовать их призывам, нужно повторить старые ошибки. Но кому это интересно переживать второй раз то, что мы уже пережили. Всякий благоразумный человек старается исправить свои ошибки, а наши бывшие руководители, толи по корыстным побуждениям, то ли по недомыслию, твердят свое старое, как попугаи.

Предположим на минуту, что наши противники из казаков достигли бы своей цели, т. е. каким-то чудом большевики пали и вместо них появилось какое-то другое русское правительство, занявшееся восстановлением могущества былой России. Ведь для этого прежде всего нужны богатства, а их то как раз и нет в Великороссии. Все это находится в Казачьих Краях, на Кавказе, в Сибри, Украине, т. е. в тех местах, хозяева которых пролили море крови защищая эти свои богатства от покушения чужих. Значит, опять из казачьего сундука будущая Россия потянет все, что ей понадобится, плюс — пошлет казаков на завоевание Польши, Финляндии и т. д. Значит, опять проливать казачью кровь во имя чужих интересов?! Значит, опять наказные Атаманы или какие-то комиссары из Иванов, т. е. полное качачье безправье, или, иначе говоря, безпросветная кабала?! Есть даже такие русские эмигранты, которые собираются в будущей неделимой России пороть нещадно казаков (полк. Карташов)!.. Думаю, что Казачеству не улыбаются такие перспективы.

Единонеделимцы всех толков почему-то надеются, что какие то иностранные державы спихнут большевиков и займутся восстановлением могущества России. Спрашивается, для чего это иностранцам понадобится могущество России? Чтобы потом ее бояться? Такие надежды есть по меньшей, мере плод наивной фантазии. Действительность диктует совершенно обратно, и мы с этой действительностью не можем не считаться.

Итак, мы, казаки-националисты, отбрасываем те старые пути, ошибочные и ложные, которые нас привели сюда и становимся на единственный спасительный для Казачества путь — на путь создания казачьего независимого государства. И зовем всех казаков стать на него и дружными усилиями идти к намеченной цели.

Наш девиз — Казачья Воля;
Казакия — наша цель!
Да здравствует Вольное Казачество!

Павел Полаков (Югосл.)

ЗАВЕТ

Если Бог молений сердца не услышит,
И ковыльной степи не увижу я,
Обращуся к людям, к другам и братьям,
Ни тоски, ни вздоха, слез не затая.

Передайте детям, расскажите внукам,
Что в земле далекой спит степной поет,
Что душа поэта горлицей летает,
И что ей покоя в этом мире нет!

Панихид свещенных лучше не служите,
Не просите Бога — все ведь знает Он.
— На чужбине дальней кости соберите,
Отнесите кости на родимый Дон.

Степь их лаской примет, их ковыль покроет,
И прольются слезы из весенних туч,
А Господь казачью душу успокоит,
На курган-могилу солнце бросит луч.

Это будет счастье, это будет радость,
Это будет лучший миг души моей
Отойти в Нирвану испытавши радость
Вечного покоя средь родных степей.

Виктор Карпушкин (ЧСР)

К СВОИМ.

Ой, как во поле да ковыль растет,
По полю молодой казак идет.
Он идет один степь-дороженькой,
Ко родной земле с главой склоненой...

На земле следы от копыт видны,
— По степи полки казаков прошли.
Молодой казак по следам идет,
В поводу коня за собой ведет...

Высмотрел он след меж следов один,
Тронул поводом, на коня вскочил.
„Там полки идут, полки стройные,
В них сыны степей, орлы вольные.

Поскачу и я, чтоб полки догнать,
Не годится ведь казаку отстать..."
Ой, как во поле да ковыль растет,
Молодой казак уж с полком идет...

Брно. 14. I. 1937 г.

А. И. Бояринов (Фр).

СЕРПИЕШКИНЫ ДНИ

III. Серпиешка и прокурор.

Евгений Иванович Богородицкий, товарищ прокурора в одном из городов Центральной России, решил на летний сезон поехать в отпуск на Дон, где жил его брат дьякон, была и еще кое-какая родня.

Евгений Иванович лет десеть не видел родных и теперь, получив с юности желанную должность товарища прокурора, он хотел показаться на родине во всем блеске своего служебного успеха.

„Прокурор", — повторял он частенько про себя и в растяжку: „Это звучит внушительно... про-ку-рор!..."

Еще в детстве, когда он приезжал из духовного училища на лето к отцу, псаломщику, слово — „прокурор", с почтением и трепетом произносимое и отцом и знакомыми казаками, завораживало некоей мистической силой чувствительного и самолюбивого ребенка. „Прокурор ждет... прокурор приехал... прокурор обвиняет..." почтительно и торжественно говорили казаки. „Про-ку-рор!" — скандировал про себя Евгений и поставил себе целью, окончив семинарию, идти в университет и, во чтобы то ни стало, сделаться прокурором...

К путешествию на родину Евгений Иванович готовился тщательно. Купил дешевенькую бельгийскую двухстволку центрального боя, приборы для снаряжения патронов и проч., что полагается охотнику, до высоких болотных сапог и зеленой каскетки включительно. Жену с двумя детьми отправил на дачу тестя, местного купца.

Собственно Евгений Иванович никогда охотником не был. Только в детстве, учеником духовного училища, неоднократно сопровождал на охоту соседа казака, заядлого охотника и рыболова, который иногда, очень, правда, редко, за стоимость заряда позволял ему выстрелить из своего ружья в ворону или коршуна.

Память об этих охотничьих упражнениях почему то захватила Евгения Ивановича и настроила его на охотничий лад. Родину свою Евгений Иванович почти не знал. Представление о широких степях составил по Гоголю и населял их тучами дроф, журавлей и пр. птиц. Не знал он степей потому, что они лежали на другой, по отношению к станице, стороне Дона и ездить туда ему было не зачем, ибо никто из семьи не занимался земледелием и никаких дел поэтому там не имел.

На каникулах и он и приятели, гимназисты и кадеты, довольствовались придонскими лугами и лесами.

Размечтавшись о донских степях, Евгений Иванович незаметно повторял гоголевские слова: „Чорт вас возьми, степи — как вы хороши!" Надевал на себя охотничий костюм, вешал сумку, патронташ, ружье и вертелся перед зеркалом не хуже любой щеголихи. Из зеркала на него смотрела невзрачная и в сем новом наряде малознакомая фигура. Худой, тщедушный, с ввалившейся грудью, острою, „прокурорскою" бородкою, рано поседевшими висками, с совершенно непривычной каскеткой, — охотник, глядевший из зеркала, мало льстил самолюбию Евгения Ивановича. Но он произносил сакраментальное „прокурор, про-ку-рор" — и чувство неудовлетворенности тотчас же исчезало.

Ехать нужно было Евгению Ивановичу степными железными дорогами до маленькой, до смерти скучной, глухой станции, поселение около которой образовалось совсем недавно из казаков, выходцев из окрестных хуторов и из станицы Евгения Ивановича. Из этих выходцев был и извощик, нанятый нашим прокурором. Это был высокий, еще молодой казак, спокойный, даже важный, с чорными смекалистыми глазами.

Умело и методично уложив на повозку прокурорский багаж, извощик оглядел недоуменно пассажира и с удивлением остановил свой взгляд на ружейной коробке. „Что оно такое — комиссионер?... их много тут ныне издит, так нет... зачем комиссионеру ружье? Чиновник?... Тоже нет... Зачем эта жульническая фуражка?"...

Решив, что дорогой он выпытает у пассажира и удовлетворит свое любопытство возница пригласил прокурора сесть. Взмостился сам на мешок с ячменем и тронул пару своих разномастных коней, темносерого коренника и рыжую пристяжную, Привычные кони бойко зарысили по пыльной, извилистой, раз'езженной дороге.

И навстречу Евгению Ивановичу стала выкатываться и растилаться широкая, волнистая степь. Медленно разворачивались балки, и надвигались пологие гребни.

„Чорт вас возьми, степи —как вы хороши", — шептал Евгений Иванович, окидывая взором необ'ятные и голые степные дали. Ничего хорошего, между прочим, в степях не было на этот раз. Бездождная, за'ушливая весна убила всякую растительность. Ранние хлеба еле поднялись от земли да так, не выходя из трубочки, и засохли. Засохла и покрылась пылью и трава. Поздние посевы даже не взошли, и загоны лежали серые, голые. И степь сейчас, в конце июня, являла вид печальный, мертвый. Горячий ветер носился ничем не сдерживаемый и гнал рыжие облака пыли по разбитым, давно не видавшим дождя, дорогам.

До станицы было не близко — верст сорок. Проехали по дороге мимо двух степных хуторов, приютившихся около балок (оврагов) с голыми, рыжими глиняными скатами и к вечеру были в станице. Тут только возница узнал, что он вез такую важную персону — прокурора, который был никто иной, как сын покойного дьячка Ивана Сидоровича, Евгений Иванович или Евгенька, как звали его в детстве станичане.

Дьякон служил вечерню, и гостя встретила дьяконица, женщиина высокая, дородная, красно-

щекая, бойкая, в словесных боях с соседями не имевшая равных по силе соперниц. Прокурора она не знала, ибо поженились они с дьяконом годов пять назад, при чем родом она была из другой станицы. Евгений же Иванович не был на родине уже лет десять. Дьяконица знала по письмам, что со дня на день должен приехать „братец Евгеша", а посему сразу же догадалась, кто этот гость, когда дроги остановились около дьяконовых ворот, и с них слезла тощая фигура в зеленой каскетке.

— Фу, какой мозгляк" — подумала дьяконица, мысленно сравнивая прокурора со своим широким здоровяком-дьяконом; „как будто и не братья, совсем не похож".

Дьяконица распахнула ворота и радостно приветствовала дорого гостя:

— Здравствуйте, братец, пожалуйста, милости просим!"

— Вы жена брата? Здравствуйте! — Евгений Иванович пожал красную, полную с засученным рукавом руку невестки и по прокурорской и следовательской привычке окинул ее испытуюшим взглядом, а затем устало растянул свой рот в деланую улыбку.

С помощью возницы внесли багаж в маленькие комнаты старого деревянного дома—отцовского дома, с чисто вымытыми и натертыми желтым песком покосившимися полами. Возница получил деньги и уехал на ночлег к родственникам.

Погода была жаркая. В комнатах, пахнувших мятою и пылью, которая лезла в окна с улицы, поднимаемая шедшими с покоса коровами, было душно. И Евгений Иванович вышел на крыльцо, оглядел столь знакомый и родной отцовский двор, заросший травой и колючкой, с покосившимся и полураскрытым плетневым сараем и деревянной кухней, где суетилась дьяконица, и перевел глаза на улицу, на домики с полисадниками, с густо пахнущими акациями и сиренью, с колыхающимися концами тюлевых занавесок — и размяк. Исчезло десятилетие его судейской службы следователем и прокурором, забылись недомогания желудка и легких, и он снова почувствовал себя Евгешей, как звали его и родня и соседи.

Дьякона уже предупредили о приезде брата, и он, окончив службу, мчался на всех парусах—бородатый, волосатый, добродушный здоровяк и весельчак и еще издали бурно и шумно приветствовал дорогого братца Евгешу.

Ужинали и пили чай на дворе при свете желтой полноликой луны и лампы, которую облепили бабочки. Тут же Евгений Иванович ознакомил брата со своими планами — как он думает провести свои каникулы и несказанно удивил дьякона тем, что гвоздем своих каникулярных утех он наметил охоту и рыбную ловлю.

„Когда же это Евгеша сделался рыболовом и охотником?" — недоумевал дьякон — „Впрочем, за десять лет много воды утекло, всякие перемены возможны".

Тут же, не откладывая в долгий яшик, решили в компанию прокурору по охоте и рыбной ловле приспособить Серпиена, которого дьякон называл Серпионом, как и полагается по святцам, а прокурор, по старой привычке, величал Серпиешкой.

На другой день, в обеденный час, в тени, около кухни, сидели на желтых „венских" стульях, за столом, волосатый, широкий дьякон в одной белой рубашке, щуплый прокурор в чесучевом пиджаке, а немного в стороне, на табуретке, разместился Серпиешка, по праздничному одетый, с жирно намасленными волосами, в надетой набекрень казачьей фуражке с красным околышем, и с великой завистью поглядывал на стол, где красовался об'емистый графин с водкой, розовая редиска, сушеная сазанина для закуски и дымились паром пышные куски жирной, желтомясой отварной стерляди.

Дьякон наливал холодную водку в рюмки, подносил одну Серпиёшке, а другую подвигал брату. Чокались, выпивали и с аппетитом закусывали, при чем дьякон шумно рассказывал как он сегодня, рано утром, на берегу Дона разыскивал у рыбалок стерлядь. Серпион, прежде чем выпить, подносил рюмку к носу, нюхал, блаженно улыболся и от удовольствия шурил глаза, как кот. При этом нос, похожий на горчичку, (горчицей на Дону называют болгарский перец) кончиком заглядывал в рюмку. Речь шла об охоте и рыбной ловле. По рыбной ловле Серпион был большой мастер, но охотник никчемный. Евгений Иванович рассказал несколько интересных случаев из охотничей жизни, вычитанных им из спортивных журналов, коими он в последнее время усиленно занимался.

Предложение о. дьякона — составить компанию Евгению Ивановичу по охоте и рыбной ловле — Серпион принял без колебаний и с великим удовольствием. Будет бродяжничать по лесу, по лугам, болатам, будет заниматься столь ему любезным рыболовством, да еще и получать за это деньги. Восемь руб. в мясец — это не шутка! И конечно, избавится от полевых работ. Пусть там жена управляется, как хочет.

Ружья у Серпиёна не было, но он его достанет у брата Ераста — дряненькая одностволка, переделанная из кремневки, но „шут с ней, абы пукала". Пороху, дроби и патронов даст Евгений Иванович.

Сговорились, запили соглашение водкой, и сияющий Серпион пошел домой. Предварительно он сделал крюк и забежал к Машке Косоноговой и выпил на радостях еще мерзавчик водки. Домой, таким образом, Серпион пришел совсем навеселе.

Серпиёшкина жена, Филатьевна, вполне одобрила поступок своего веселого супруга: „Урожай, все одно, пропал, погорел, а что осталось, я уберу одна с ребятишками. а ты заработаешь восемь руб. в мясяц. Хорошо! И не каждый же день вы будете шляться на охоту. Ты должен подработать еще и сапожным делом".

Ободренный супругой, Серпион взял у брата Ераста ружье и целый вечер его чистил. Тер и песком, и золою, и керосином. Починил охотничью сумку, привел в порядок рог для пороха, пошил мешочки для разнокалиберной дроби. И к вечеру новый охотник, Серпион Петрович Петров, был готов.

Хотя прокурор и горел желанием выступить как можно скорее в роли охотиика, однако как-то

так случилось, что раньше двух дней ему сделать этого не удалось...

Рано встать Евгений Иванович никак не мог, а потому на охоту отправились часов в девять, когда солнце начало уже припекать. Серпиён, кроме ружьишка и охотничьей сумки, нес и мешочек с провизией — жареной бараниной, сухой таранью и, что особеннно умиляло Серпиёна, с полубутылкой водки.

Решили начать охотничьи подвиги с ближайших озер, разбросанных среди лугов и лесов займища, т. е. части долины, занимаемой весенним половодьем Дона. Травы еще не были скошены, и их сочная зелень придавала займищу вид особой свежести, нетронутости, даже как бы первобытной дикости, тем более, что людей в лугах не было — все уехали на поля за Дон. Среди лугов виднелись, выделяясь темными пятнами, высокие камыши и куга мелких озерец, над которыми иногда поднимались и вились одна-две утки разных пород: маленькие, щустрые чирки, грузные кряквы, длинные шилохвостки и др.

Лесок, остаток от когда то густых, покрывавших долину Дона, лесов, жался к берегу Дона, а по лугам разбросаны были или отдельные вербы, тополи, вязы или небольшие купы этих пород.

Когда пришли к намеченному месту охоты, продолговатому, мешкоподобному озеру Черепашьему, было уже одинатцать часов. Солнце сильно пекло. Было очень жарко, хотя в лугах и колыхал свеженький ветерок.

Непривычный и слабенький прокурор устал и безпрестанно вытирал заливаший лицо и глаза пот. Решили отдохнуть и разположились в тени густолиственной серебристой вербы. Прокурор сразу почувствовал себя в особо блаженном состоянии, разглегшись на сочной мягкой траве, в нежной, слегка влажной прохладе тенистого дерева.

Сначала Евгению Ивановичу не хотелось двигаться, ни разговаривать — до того его „размаринило“, как говорил впоследствии Серпион. Отдохнув, решили закусить — все одно, время подходило обеденное. Серпион был, разумеется, в восторге. Первым делом, бережно достал полбутылку водки-белоголовки, затем жереную баранину, тарань и сушеного сазана (карп) собственного его жены приготовления жирного, прозрачного, цвета янтаря.

Серпиёшка еще не пил, а глаза уже умаслились, и сластолюбивый нос как будто даже вздулся и на кончике побагровел. Выпивали водочку и закусывали медленно, не торопясь — с толком, со вкусом; дня еше много, спешить некуда, да и прокурора очень разломило, а Серпиона охота мало занимала.

После водки у прокурора затуманилось в голове и стало неудержимо клонить ко сну. И он не заметил, как задремал, а потом и сладко заснул под лаской нежного ветерка. Серпион тоже растянулся и захрапел „во все носовые завертки“, как он любил говаривать. Спали вкусно, аппетитно. Проснулись, когда солнце свернуло далеко с полудня. Прищуренными глазами окинули окрестности. Солнце жарило во всю. Глубокое голубое небо отливало огнем. Два-три маленьких прозрачных облачка дремали на горизонте.

— Ну, и жарит ... давно не было дождя, а надо бы — все горит — соболезновал Серпион.

Над Черепашьим пролетела пара крякв и один чирок и сели недалеко от того места, где лежали под вербой наши охотники.

— Ну что-же, начинаем, Петрович? Видиш, утки то сели, идем, поднимайся!

— Идем то идем, да наш берег то почти голый — надо ползти.

Действительно Черепашье с этой стороны упиралось хот в невысокий, но обрывистый берег, было глубоко здесь и открыто. И камыши и куга густо росли на противоположной стороне, где озеро было мелко. На ближней стороне росла только осока по кочкам. Чтобы подкраться под уток, надо было довольно далеко и осторожно проползти по не высокой траве и дабраться до кочек с осокою.

Сумки оставили под вербою. Патроны прокурор положил в карманы. Ползли медленно, и прокурор впереди неуклюже переваливался с боку на бок, опираясь на локти. Пот снова стал заливать лицо. Каскетка, намокшая до обеда, сейчас с зем разкисла, разширилась и лезла на глаза. Серпион полз сзади, и прокурору вдруг пришла в голову мысль, что ружье Серпиона может как нибудь выстрелить и угодит ему, прокурору, в затылок. И он заволновался, остановив движение, шопотом попросил своего руженосца — быть как можно осторожнее и ни под каким видом не взводить курка. Ползли долго, утомительно, оставляя за собою стежки помятой травы.

Под зеленой охотничьей тужуркой прокурорское сердце трепетно стучало и от утомления и от страстного желания завоевать уточку, а то и пару одним удачным выстрелом. Впоследствии он сам удивлялся, вспоминая охоту, откуда у него, не жестокого и мирного чиновника, взялась эта кровожадность, это страстное желание убить какую-то жалкую утку.

Наконец, благополучно доползли до кочек с осокою. Примостились перевели дух, т. е. собственно это нужно сказать про прокурора, ибо Серпион, конечно, и не устал и не волновался. В я эта затея для него была безразлична. Он выпил водки, закусил. В конце месяца получит восемь руб. — вот это главное. Сейчас он наблюдал за движением Евгения Ивановича, и в его артистической голове уже начал создаваться комический образ, которым он будет потом забавлять станичную публику, рассказывая и у лавок, и у станичного правления, и на улицах про прокурорские и его, Серпиона, похождения.

— Где же утки то? — спросил прокурор рядом лежавшего Серпиона, надевая пэнс-нэ, которое скользило по потному носу и падало, мало помогая несколько близоруким прокурорским глазам.

— А, вон, глядите — вправо две ... вон, против камышевого куста, под самым лопухом, вон носом достают в воде корм, зад поднимают кверху.

— Вижу, но это далеко ...

— А, вот, влево, глядите, по-над лопухами

чирок этот на выстрел. Бейте его. С замиранием сердца Евгений Иванович прицелился и нажал, бессознательно зажмурившись, гашетку. И по камышам, по лугам, в тишине безлюдного займища, загремел выстрел, разносясь по придонскому лесу и отдаваясь эхом в оврагах задонского нагорного берега.

Две кряквы и чирок взметнулись над водой и стрелою умчались на какое-то другое озеро, подальше от прокурора и Серпиона. И влево, и вправо, из под лопухов и камышей, поднялось еще несколько уток и, покружившись над озером, разлетелись в разные стороны.

— Что же это такое... я так прекрасно и совершенно спокойно прицелился... улетели... удивляюсь...

— Да вы, Евгений Иванович, рубанули прямо в лопух.

— Как в лопух? Не может быть!

— Да, в лопух... Вы приняли лопух за утку Я, ведь, видел, как дробь-то, как кнутом, ахнула по лопухам — здорово ружье стреляет... а утка то была вправо.

(Окончание следует).

Мих. Мурзин (ЧСР).

ПЕСНЬ ПОЛУБОГОВ.

Мы рубимся гордо за вольные степи,
За низовый ветер родимой реки,
За песнь камыша, за курганные цепи,
За гордое имя — донца-казака.
Мы алые зори и звездные ночи,
Мы тихие песни и утро весны,
Мы дети степей — орлиные очи,
Мы чудные грезы и дивные сны.
Верны мы тому, чье могучее тело
Покоится там — в глубине Иртыша.
Кто сделал Сибирское славное дело
И вольное имя носил Ермака.
Мы буйные ветры и стрелы шальные,
Мы тучи востока и вихри полей,
Сыны Чингис Хана, потомки Батыя,
Булаты стальные — мы ужас ночей.
Мы рубимся гордо за Дон с хуторами,
Хоть пепел остался от тех хуторов —
Он пахнет еще удалыми веками;
Нам пепел дороже больших городов.

Дарданелы. 1922.

Я. И. Лопух (Болг.)

ИЗ ДЕТСКИХ ВОСПОМИНАНИЙ.

Когда подходят большие праздники Рождества Христова или Св. Пасхи, то в памяти сами собой воскресают картины далекого прошлого, как когда-то проводили эти праздники, что случилось особенного выдающегося в эти дни и что особенно запечатлелось в памяти.

Так вот, дорогой читатель, решил и я поместить рассказ о том, как я в детстве, на первый день праздника Рождества Христова, видел живых чертей. Вот вы, читатель, уже улыбнулись, так сказать, наперед показали свое недоверие к моему рассказу, а я могу побожиться, что это сущая правда.

Начал я учиться грамоте еще в своей родной станице Старомышастовской у диакона по старой методе: аз, буки, глаголь и т. д.; когда заучил названия букв, то перешел на склады: буки аз — ба, веди аз — ва и т. д. Однако, в 1880 году судьба перебросила меня в станицу Павловскую, где я продолжал свое „образование“ в станичной школе уже по новому методу.

Станица Павловская в то время была расположена только на левом берегу степной речки „Сасыка“. (Это искаженное татарское название реки — „Сусик“, что значит — вода вонючая).

С левой стороны в речку впадает ручей, протекавший по глубокой балке — „Водяной“. Должен вам, читатель, заявить, что балки под названием „Водяна“, „Грузька“ имеются почти во всех Черноморских станицах.

Эта „Водяна“ балка делила станицу на две части: собственно станицу и „Причипилівку“. Дворы станицы подходили к самой балке, и берега балки, как низкие места, были густо обсажены высокими вербами, тополями и лозняком. Через балку была устроена гребля (гать) с деревянным мостиком для протока воды. Материалом для сооружения гребли, как и везде в Черномории, служил навоз. Возле самой гребли стояли две кузницы.

Дворы „Причипилівки“, вследствие крутого под'ема противоположного берега, находились приблизительно саженях в трехстах от ручья. Таким образом, между станицей и „Причипилівкой“ было довольно широкое пространство, где устраивалась ярмарка.

В станице Павловской был торговец Бабыкин. У Бабыкина был конторщик Кузьменко. Вот этот Кузьменко организовал в станице любительский хор; в этом хоре пел и я, ваш покорный слуга, дискантом и считался первым солистом. Вот как!..

Пришло долгожданное нами, учениками, Рождество. Само собой разумеется, к празднику этому хор готовился чуть ли не с самого начала Филипповского поста. Отпели мы обедню в церкви и, разговевшись, пошли с „концертом“. Побывали первым долгом у батюшки — отца Георгия Часовникова; у псаломщиков — Пивня и Костенка; обошли всех торговцев, которых в то время было человек пять-шесть; посетили станичного Атамана — Л. С. Быча; писарей — Шутька и Титаренка и к вечеру в полном составе собрались в конторке Кузьменка. Басы и тенора засели за стол прочищать „гортані“ „очищенной“, поставленной, ради праздника, регентом Кузьменко, а мы, дисканта и альты, занялись дележом „гостинців“ (конфекты, пряники, орехи), которыми одарили нас торговцы.

Когда регент подсчитал „выручку“, то таковой, по мнению басов и теноров, оказалась очень незначительная сумма. После обмена мнениями, добы увеличить эту сумму, решили ехать на другой день на „Попову Балку“.

„Попова Балка“ — это хутор верстах в 10-15 от станицы, где жили преимущественно очень зажиточные казаки-овцеводы. Нам, малышам, необходимо было заявить об этом родителям и получить от них разрешение на эту поездку.

Один из певчих—С. Гурбич—жил на „Причипилівці“, сравнительно далеко от центра станицы. Я, как года на два старше его, вызвался проводить Степку и, кроме того, быть ходатаем, чтобы его отпустили.

Было около 9 часов вечера, когда мы вдвоем бодро шагали по укатанной санной дороге на „Причипилів‹у“. Снег, освещенный луной, искрился миллиардами мелких алмазов и приятно поскрипывал под ногами. Мы весело болтали о предстоящей веселой поездке на „Попову Балку“. В том, что Степана отпустят, мы не сомневались, так как на „Поповой Балке“ у него была близкая родня.

Вот и двор Гурбича. Вошли мы в хату. Семья Гурбича после сытного праздничного ужина уже собиралась ложится спать. Изложили мы цель своего прихода, и что-же? — Степку не отпускают. Все наши просьбы и даже слезы Степки были тщетны: старик Гурбич, а в особенности его мать, были неумолимы.

— Провиди оцього хлопця — обратился старик Гурбич к работнику.

Вышли мы с работником на двор. Я предполагал, что работник проводит меня до станицы, но не тут то было: он провел меня до калитки и, затворив таковую, возвратился в хату.

Остался я на улице один. Станица спит. Лишь кое где слышен лай собак, потревоженных парубками.

Что делать?... Отломал я от ближайшего плетня „ломаку“ (грубую палку), на всякий случай от собак, и пошел в станицу сам. Мороз крепчал. Луна, скорчив лукавую рожу, освещала покрытую снегом землю так, что, как говорят у нас, „хоть голки збирай“.

Пока шел я по улице —ничего, но когда вышел на ярмарочную площадь и с возвышенности посмотрел на балку, затененную высокими деревьями, на греблю и кузницы, на меня напал страх. В голове мелкнула мысль: „А что если в балке под греблей черти сидят?“

Не успел я глазом моргнуть, как предположение мое превратилось в реальность: из-под моста, зияющего зловещей темнотой, показалась страшная рожа черта. Посмотрел он на меня своими огромными блестящими глазами и быстро вскочил на греблю. Смотрю за ним другой, третий. Смотрю, о ужас, лезут и из другой стороны моста. Закружились по гребле; то подпрыгивают, то кувыркаются, то показывают мне языки. Да все хвостатые и разной масти: черные, зеленые, синие, то с копытами, то с когтями; точь в точь такие, каких я видел на картине страшного суда, намалеванной в притворе нашей, старомышастовской церкви.

Несмотря на то, что я был острижен коротко шапка на голове как бы поднялось, а по всему телу пробежала дрожь. Вспомнил я молитву „Да воскреснет Бог“, которую выучил со слов моей бабки, („от всякої нечісті“, как об'яснила мне бабка). Осеня себя крестным знаменем и, читая молитву, двинулся к мосту. И что же? — Чудо! Черти один за другим исчезли под мост. Это меня ободрило. Прошел я часть гребли и зашагал по деревянному настилу моста.

— Ух! — вдруг раздалось из-под моста...

. . . . . .

Очнулся я лежащим в снегу около Бабыкинского духана. Как я добежал до духана, как очутился лежащим в снегу — ничего не помню. „Ломаки“ возле меня не было. Отряхнулся я от снега и пошел в контору сказать, что Гурбича не пускают.

На второй день я заболел. Пригласили бабку-знахарку. Осмотрела меня бабка и поставила диагноз: „С переляку“ — Треба переполох виливать.

Раздобыли где-то свинцу. и бабка-знахарка начала священнодействовать. Долго молилась она перед образами, потом поставила чугунок с свинцом в печку. Что дальше делалось я не видал, так как меня всего закрыли рядном. Слышал я только, что что-то над моей головой страшно зашип[illegible], потом запахло гарью.

Когда мне открыли лицо, то я увидел, что из чашки с водой бабка вынула какую-то бесформенную массу свинца, долго ее рассматривала и, наконец, торжественно об'явила: „Куці злякали дитину“. Я знал, что „куцыми“ называют чертей; но никак не мог понять почему их называют „куцыми“, когда я своими глазами видел их с длинными хвостами.

Да, читатель, вы улыбаетесь. Улыбаюсь теперь и я, но если бы вы побывали в то время в моей шкуре, то наверное зуб на зуб у вас не попадал бы, а то, чего доброго, и штанишки пришлось бы сменить. Говорят, что иногда со страху и это случается...

. . . . . .

Но что ни говорите а славное то было время! Хотя и чертей на земле было много, но от них, как видите, молитва была. Люди Бога чтили и молитвой Его нечистую силу отгоняли. А ныне? Ныне люди хуже чертей стали, и нет такой молитвы, чтобы от них откреститься. И все это цивилизация наделала, чтоб ей ни дна, ни покрышки!..

† Проф. Ф. А. Щербина

Пережитое, передуманное и осуществленное.

(Наша царина* и проказы трех маленьких лошадок).

Неожиданная для меня возможность остаться дома на целых два года совершенно изменила мое положение, детские влечения и наклонности. Я похоронил мысль о возвращении к роли командира. Виновницею этого была отчасти моя мать, отрицательно относившаяся к войне, и случаи оплакивания в станице погибших при военных стычках и делах казаков, воочию подтвердившие справедливость доводов матери о вреде войны. Еще в большей мере способствовали тому изменения моих детских влечений и наклонностей. У меня пропал интерес не столько к играм в войну, сколько к лошадям и оружию из камышинок. Мне кажется теперь, что на это натолкнул меня наш Гнедой, поразительно ручной, понимавший, казалось нас, детей, конь, при сравнении его с длинною камышиной на ниточке вместо узды. У меня несколько охладела даже охота глазеть на марширующих казаков и малолетков, побуждавшая меня раньше обращать все мое внимание на усвоение командных слов и выражений: „смирно, равняйся, стройся, равнение на лево, направо кругом, шагом марш“ и т. д. Когда на церковной площади произходило обучение казаков пешему и конному строю, я с удовольствием смотрел на них, как сторонний им зритель, любовавшийся замысловатостью и игрой их движений, а не как поклонник, жаждавший роли командира и горячий поборник применения виденного на деле.

Поучительная встряска в школе Хоритона Захаровича и последовавшая затем продолжительная болезнь сильно потянули меня к дому и к родной семье. Я почувствовал, так сказать, реальную силу домашней обстановки и близких к этой обстановке лиц. Раз решивши учиться по примеру отца и брата Тимоши, я боялся уже собственно не столько училища, будучи уверен в детской, но твердой решимости преодолеть науку, сколько города Екатеринодара, который разлучал меня с Деревянковкою, домом, матерью, царином, Гнедым, Явтухом, Охтианом и пр. И вот теперь гора свалилась с плеч, исчезла боязнь, что меня оторвут от родного дома и родной матери со всем тем кругом жизни, в котором вращался я полный интереса и привязанности ко всему своему, — одним слово я был вольный казак, но уже в другом смысле.

Влекли меня царина и степь, но не угасало и влечение к играм; они приняли иные формы и окраску. Я расскажу, как я, братья Василь и Андрюша задумали изобразить своими особами лошадей, в целях поездки в царину. В играх, младший брат Андрюша, был у нас, старших братьев, на поводу, исполняя то, что поручалось ему. Иначе вел себя Василь, которому было 14 лет. Между ним и мною был еще один брат по имени также Андрей, умерший вскорости после рождения. Василь отличался самостоятельностью и большими странностями. То он держался особняком, не играя с нами и не вступая ни с кем ни в какие отношения. Наденет, бывало, нагольную овечью шубу и ляжет в ней прямо на солнце, не смотря на летнюю жару и тут уже никто не сдвинет его с места. Нас с братишкой он грозил побить, если мы приставали к нему, брата Тимошу, сестру или мать он серьезно уверял, что в нагольной шубе ему прохладнее, чем в летнем легком костюме или просто в одной рубашке. То наоборот, Василь придумывал какую-либо затею, сам увлекался и нас увлекал. Он имел большую склонность к хозяйству и приноравливал к этой области и свои забавы. По той же причине он был приятелем работника Явтуха и пастуха Охтиана. С первым он готов был жить неразлучно, а со вторым любил вести бесконечные разговоры, то оценивая достоинства быка Папуся, или коровы Воловички, то распрашивая Охтиана о волках, лисицах и зайцах и разного рода птицах и пичужках. Но особенное удовольствие доставляло Василию и мне с братом Андрюшкой посещение нашей царины. На этом все мы трое сходились в своих влечениях.

В ту пору царины или отдельно занятые под запашки заимки были разбросаны всюду по Деревянковской степи. Каждый хозяин выбирал заимку там, где ему нравилось и в таких границах, каких требовало его хозяйство. Одни устраивались в балках, другие на скатах, третьи в „подинах“, на низких местах, а четвертые на ровной степи. Наша царина была занята по скату к подине Белой.

Так называлась огромная, местами поросшая камышем и кугою, местами покрытая болотцами, низина, которую временно занимал полк. Белый, а по смерти его бедовая и энергичная жена его, полковница Белая; фамилия ее и была присвоена названию подины. Мать, или еще отец, — я не помню, — заняли западный ровный и отлогий скат к подине Белой, а дальновидный Явтух так расположил узкими и длинными полосками нивы, что между ними образовались обширные пустующие места степи, на которых можно было косить траву и производить новые запашки.

Я уже взрослым, будучи студентом Петровской академии, когда после смерти матери у нас не было царины и хозяйства некому было вести, нарочито ездил осмотреть места нашей бывшей царины и нашел их самыми заурядными и прозаическими скатами к обширной подине. Но, Боже мой! Какими чудными, какими поэтическими казались они в детстве! Мне стоит даже теперь закрыть глаза и представить себе мою детскую царину, чтобы самые светлые воспоминания детских годов вереницей потянулись одно за другим в моей голове.

Вот вдвоем с Явтухом я отправляюсь поить волов и лошадь. Явтух гонит впереди себя волов и ведет в поводу Гнедого, а я торжественно возседаю верхом на последнем и весь переполнен

---

* царина — обработанная площь земли, поле.

чувством удовольствия. Помилуйте, я сижу на настоящей лошади, а не на камышинке. Я гордо гляжу по сторонам и думаю: „що як би теперь побачив мене Яцько?“ Он позавидував би! А даль, какая даль открывалась со спины лошади! Я забывал даже, что и без спины лошади виднелась эта даль с высокой части бугра в нашей царине. Видно было даже большую Щербиновскую могилу, возвышающуюся близ станицы Новощербиновской, и, как на ладони, раскинулась подина Белой, с разбросанными там и сям озерками и болотцами.

Мы спускаемся на низы к копанке, т. е. к неглубокому колодцу или к крытой кринице. Не дожидаясь пока Явтух снимет меня с лошади, я пробую обойтись без его помощи. „Куда? Куда ти!?“ — кричит мне Явтух. Но я сам слез уже с лошади или, правильнее говоря, скатился кубарем и больно ушиб себе ногу. Но это пустяки! Я не плачу и не жалуюсь Явтуху хотя нога и ноет. Вот и копань у самого озерка, с чахлым камышем и кугой, наполненная питьевой водой, в которой, однако, плавают лягушки. Не только лошадь и волы пьют эту воду, но мы с Явтухом в жару пьем ее и крякаем от удовольствия. По открытому берегу озерка бегают шустрые кулички и преуморительно потряхивают своими веерообразными хвостиками, обнажая при каждом под'еме вверх хвостика перья ослепительной белизны.

Я схватываю камышинку, прикладываю ее к плечу, как ружье, и стреляю: „бух!“. Но кулички ни с места от моего выстрела; на маленьких куличков казаки охотники не тратят пороху и выстрела, и кулички привыкли к людям, волам и лошадям. Тогда я беру ком земли и пускаю его в куличков. Испуганное „пи-пи-пи!“ раздается разом в нескольких местах. Тревога пошла по всему озеру. Поднялись в воздух все кулички — те, в которых я стрелял, и те, в которых не стрелял, а вслед за ними грузно сорвались из камыша пара больших кряковых уток. „Качки! Качки!“ неистово кричу я и произвел покрайней мере десять выстрелов: „бух! бух! бубух!“ Я так вошел в роль настоящего охотника, что представил себе утку раненою. „Ага! Попало тобі таки під хвіст!“, с апломбом произношу я фразу, слышанную мною от одного охотника. Явтуху, который смеялся и бил руками об полы, стоило большого усилья умерить мои охотничьи порывы и снова посадить меня на лошадь.

Удивительны эти детские увлечения. В них столько чего то радостного, приятного, восторженного и заразительного, — и, однако, чем это вызывалось? Увы! Такими низменными побуждениями, как желание убить ни в чем неповинную птицу. Что это такое? Потребность ли проявлять свою силу и сделать нечто такое, что делают взрослые? Или же пережиток, стихийное животное чувство дикаря, привыкшего упиваться живою кровью и приходящего в восторженное состояние от удачи в истреблении живых существ? Мне, конечно, не приходили тогда в голову эти мысли, а я проделывал все это под тем же влечением и в той же форме эмоционального настроения, в каких проделывают то же миллионы детей под влиянием обстановки и по примеру окружающих людей.

А вот другое воспоминание. Раннее утро. Я только что встал с постели, которою служила свежая трава, покрытая веретьем. Не успел я еше умыться, а заботливый Явтух тычет мне чуть ли не под нос желтую пахучую дыню и здоровый полосатый арбуз. Я спросонья разом хватаюсь за арбуз и дыню, но не могу сладить с ними На это именно и разчитывал Явтух, и он так доволен обнаруженным мною интересом к арбузу и дыне, которые он давно уже и нарочно для меня хранил на баштане. „Дыню треба держать руками, а кавун зубами,“ смеясь, наставлял меня Явтух. Я тоже смеялся и признательно смотрел на Явтуха. Не успел я кое как умыться, а Явтух уже нарезал другой поменьше арбуз, такой красный, сочный и соблазнительный. Мы садимся на траве перед отрезком широкой выструганной доски, на котором был расположен порезанный арбуз и хлеб и начинаем завтракать, т. е. проще говоря, есть арбуз и дыню с хлебом.

Я ем, а корки складываю в одну кучу, приговаривая: а це Гнидому.

Явтух лукаво посматривает на меня, то на кучу корок от арбуза и дыни и говорить мне:“ та то ж дуже богато наклав ти для Гнідого “

— Ні, — отвечаю я, — мало, він усе поість!

Явтух, смеясь, складывает в мою кучу и свои корки со словами:“ ну, нехай вже Гнідий усе поідае. А я хотів своі лушпайки старим сірим волам. Але я ім не скажу, що отдав іх Гнідому і вони не будуть на мене сердиться.“

И Явтух говорил так спокойно и с таким серьезным видом, что я, принимая все сказанное за чистую монету, с живейшим интересом спрашвиал его: „Хіба воли сердяться?“.

— А якже! продолжал тем же тоном Явтух— та и рогами колються... От тобі й на! — прерывает он свои об'яснения и бегом пускается к баштану.

Я бросаю недоеденный ломтик дыни и бегу следом за ним. Оказалось, что именно серые волы распутались и спешили к баштану, чтобы полакомиться арбузами и дынями. Явтух застал волов уже на месте преступления. По окраинам баштана он сажал обыкновенно „гарбузи“, т. е. тиквы и волы начали лакомиться „гарбузами“.

— Ач, що наробили?! — кричал Явтух. „Половину гарбуза, та ще самого кращого, що я беріг для Оксани, махамети з'їли!“

Волы снова были спутаны и водворены на пастбище. Мы окончили завтрак. Я собрал в торбу все корки и отнес их пасшемуся на длинной веревке Гнедому. Гнедой смачно ел, а я стоял рядом с ним и приговаривал; „кушайте! кушайте!“, припоминая выражения московки кабатчицы Андрияновны, которая произносила это выражение, угощая старух, и нас чаем, когда мы были у нее в гостях.

И долго, долго потом вспоминал я какими вкусными завтраками кормил меня в нашей царине Явтух. Даже казус со старыми серыми волами, так всполошивший спокойно разговарившего со мною Явтуха, не портил этих воспоминаний.

Новые приятные ощущения, но какая громадная разница между ними экзальтированного охотника! Там действовала фантазия на почве безнравственных вожделений, а здесь по преимуществу требования

желудка и рта с арбузами, но на чисто буколической благонравной подкладке.

И над этим, разумеется, я не задумывался и шел, как бычек на веревочке, за своими влечениями и вкусами. Я не могу теперь припомнить реальных форм, в каких выражались эти вкусы и влечения, но мне кажется, что тогда привлекали меня к сочным арбузам и сладким дыням не столько аппетит и жадность с'есть их, сколько внешний их вид — величина, формы, красота или пестрота окраски и обстановка, при которой мы с Явтухом завтракали. Когда я совершенно насыщался арбузами и дынями и есть их уже не хотелось, — я все же продолжал любоваться и баштаном, и разбросанными по нему арбузами и дынями.

Надо вообще прибавить, что царина оставила в моей памяти больше впечатлений чисто культурного земледельческого характера, чем сильных ощущений кровожадного охотника. Все прелести царины заключались в том, что здесь был баштан, а на башатане росли огурцы, арбузы, дыни, тыквы, горох, паслен и др. редкости степной природы. Это были не только вкусные плоды и овощи, но их формы, обилие, окраска, разнообразие доставляли мне много, так сказать, эстетического удовольствия. Выйдешь, бывало, к баштану и смотришь с наслаждением, как причудливо разположены арбузы и дыни. Глаз теряется в этом оригинальном, бесконечном калейдоскопе форм и группировок их.

Когда вы в первый раз взглянете на степной баштан, в ваши глаза бросится прежде всего масса „огудины", побегов с широкою листвою зелени, пестрящей огромными узорами баштан. Кажется, что степной баштан — это длинная черная нива, густо затенённая разорванными на неправильные куски и кусочки зеленым покровом. Но когда глаз приспособится к деталям этого зеленого покрова, с лежащими там и сям плодами, а память запечатлеет их разположение, величину, окраску и красоту форм, тогда общая картина для вас меняется. А у нас, детали картины менялись по несколько раз в день по мере того, как мы присматривались к расположению, величине, формам и красоте плодов. Вот лежит громадный рябой арбуз. Ведь это настоящий барабан! А вот круглый белый арбуз — положительно пузырь! А там вот такой же круглый только черный арбуз — ну, это уже несомненное ядро, хоть заряжай им пушку! Вдали все эти ядра, пузыри и барабаны сверкают и блещут от солнца то группами, то в одиночку, мельчая и превращаясь там, на самом конце баштана, в какие-то пятна и точки. А дыни! Они еще интереснее: желтые, красные, полосатые, зеленые, они не только нежат глаза, но и удивительно ароматны. Вот скороспелки, вот зимовки, а вот и качанки. Возы, целые возы можно наполнить ими. Как же не восторгаться таким обилием и разнообразием этих чудных плодов?

Особенно интересны были первые посещения баштана, когда только начинали еще завязываться арбузы и дыни, но появлялись уже огурцы, которые, в качестве первинки, являлись господами овошного сезона, хотя где же им было сравняться с арбузами и дынями! В ту пору нам не позволялось ходить по баштану, чтобы не повредить ногами молодые побеги арбузов и дынь. Когда же собирались огурцы, то соблюдалась настоящая церемония. Явтух скидал сапоги и босой осторожно ступал в промежутках между побегами огурцов, а мы, тоже босые, с затаенным желанием взглянуть, следовали за ним.

Явтух непременно устраивал так, что каждый из нас оказывался в густой листве огурцов. „Он там треба подивиться",—говорил он одному из нас. „А ну, чи нема чего небудь он там, у тому місці",— указывал он другому. Мы смотрели, находили и сопровождали эти находки самыми разнообразными восклицаниями. „От так огірок!" — кричал один. „А у мене, — кричал другой, — настоящий балабан!" „Дивіться, дивіться сюда. — кипятился третий, — два, ціла пара рядом!" И мы были так счастливы, высказывали столько радости и увлечения, что даже у Явтуха горели глаза от удовольствия. И только теперь, когда кости Явтуха давно покоятся в сырой земле, я могу отчасти представить и понять то живое участие, которое принимал Явтух в наших детских удовольствиях. Ведь Явтух садил и растил эти огурцы, арбузы и дыни. Явтух делал всё это не только для себя, а и для нас, потому что одинокому, безродному Явтуху дороги были наше присутствие и привязанность к нему. Мы платили Явтуху чистою детскою монетою, мы любили его, слушались и повиновались ему, как нашему авторитету.

— Глядіть же, — говорил нам Явтух, — не іжте огірків на баштані!

— Чого? спрашивали мы.

— Гріх! — коротко пояснял он.

И я верил ему и не только не ел на баштане огурцов, но и думать об этом боялся.

А. Н. Трофимов (Фр.)

Степан Тимофеевич Разин.

(Продолжение)

Разин, как всякий казак его времени, был хорошим христианином. Он хорошо воспринял рассказ отца о правде и сочетал эту правду с правилами веры православной, той веры, что была на Дону, а не в Москве, среди бояр. Он чтил Покров Пресвятыя Богородицы, Николая Угодника, уважал свою донскую, православную **никем не загрязненную** церковь. Иначе и быть не могло: Круг не поручал бы „богоотступнику" больших ответственных дел. А ведь казаков того времени ни в коем случае нельзя обвинять в отсутствии религиозных чувств, когда они всегда с молитвою шли

на страшный бой с противниками веры Христовой —с басурманами, как их тогда называли. Носились ли они в разбушевавшейся морской стихии, попадали ли в плен, изнемогал ли в них дух бодрости, возвращались ли они домой — всегда начинали и кончали дело с молитвой Богу и Его святым угодникам, почитаемым на Дону. Разин родился в этой среде и иным, чем они, быть не мог. Не раз казаки после походов отправлялись в монастырь помолиться, вознести свою благодарнось и просьбу Всевышнему Богу. И Разин Степан, вернувшись домой после поездки к Калмыцкому народу, как верующий человек, пошел на поклонение святым угодникам (значит он признавал их) Зосиму и Савватию в далекий Соловецкий монастырь.

Еще при жизни своего отца он дал обет исполнить это. Пошел. Путь был дальний. Не одну тысячу верст надо было пройти, чтобы достичь конечного пункта. Это уже не была поездка официального представителя Дона в Москву; шел богомолец пешком, заходил по пути в монастыри, города, деревни и посады бояр. Со многими пришлось ему встретиться здесь; многое пришлось увидать и услыхать, чего не могли ему дать ни поездки с „Зимовой Станицей", ни рассказы отца. Хоть и многое поведал ему отец, но то, что встретил он, проходя по Московскому царству, превосходило всё.

Невольно ему пришлось здесь лицезреть без прикрас и без умалений всю ту жизнь жестокую, кошмарно-тяжелую, что была тогда в богоспасаемом государстве Тишайшего царя.

„Увидел Степан, почитай, всю Русь, из края в край, увидел страшное разорение и уничтожение простого народа, безграничный простор и часто даже простое озорство больших бояр, воевод и приказных". Почти в каждом городе и деревне, где была пыточная изба, слух его поражал каждодневный крик истязуемых. Не мог он, как умный человек, не заметить и далеко не христианский образ жизни многих из духовного звания лиц, заботившихся о своем кармане больше, нежели о душах своей паствы, работающих на обогощение иногда не хуже бояр. Не раз в дороге приходилось слышать Степану замечания и от крестьян, в роде такого: „Ты погляди тут, какие палестины земли-то вокруг, и все монахи расхватали: то Чудова монастыря, то Новоспасского, то самого Патриарха" (Наживин).

Много, много кое с чем пришлось ему встретиться и увидеть из того, о чем я говорил про жизнь в Московском царстве. В деревнях наталкивался он и на такие картины, характерные для Руси Алексея Михайловича, но невозможные и невиданные на Дону: Ходит поводырь с медведем и забавляет мужиков. Останавливается где-нибудь показать Мишкину смекалку. Толпа крестьян окружает его, желая взглянуть, как Мишка их же самих изображает.

„Ну же, Мишка! Кажи, как мужик воеводе кланяется?!"

И под звуки барабана медведь лег на брюхо пополз по полу, пряча морду между лапами, скуля и воя. „А ну Михайла, кажи честному люду, как из мужика на боярина вотчинного выколачнвают посулы судейские, да подать, заедино и посошные деньги?!"

Медведь присел на задние лапы, вцепившись передней лапой в пол, правой начал бить и царапать так, что от половиц полетели дранки; он рычал, кряхтел и скалил зуби, „изображая сбор податей" (Чапыгин).

Наблюдая всю эту неприглядную жизнь крестьянина, безобразия воевод и совсем неблагочестивую жизнь монахов, он всё шел; шел исполнить обет, данный отцу. Не любил Степан останавливаться на полпути—он был из тех, кто, решивши, идет до конца. А в душе, на сердце, что то больно и жутко становится и, чем дальше, тем тяжелее. Мысли мрачные, мучительно-черные, тяжелые свинцом заполняли мозг могучего донца. Невольно возникали вопросы: „Да что же это? Всюду церкви—в деревнях, городох, даже у каждого боярина сильного церковь; монастыри, везде кресты. Всюду слава о жизни Христа... а погляди поближе — опять и вера какая-то гнилая"! (Наживин) у них тут на Руси. Разве же так можно, разве же допустили бы это у нас на Дону?

Смутно, смутно от этой жизни московской стало на душе Степана. Посмотрит на народ. Какой несчастный! Как забит он и жалок! Не одеждой только — нет, жалок своей душой порабощенной, отнятой волей! Правда, этот бесправный, униженный, этот сравненый в правах со скотом народ, порой, проявляет позывы к правде, выявляет обиду горькую на неспрэведливость власть предержащих бояр, волнуется, бунтует, убегает в леса. Видел он, как „народу жилось плохо от непосильных требований государства и от злаупотреблений алчной администраций воевод и приказных. Не ускользнул от его соколиного взора, как тихо, но неудержимо разгораются в народе какие-то страшные огни" (Фирсов).

Сумной пришел Стапан на свой, пока независимый, славный Тихий Дон Иванович. Так вот она Русь Московская, Русь православная! Так вот эта то нравственно расслабленная и вместе с тем спесивая Москва, это царство бояр-рабовладельцев **тянет свои жадные руки к нам на Дон!??** Эта пьяная, развращенная боярская Русь с ее бесчисленным множеством кабаков хочет лишить нас, донских казаков, свободы?!... Русь, где многие и многие служители монастырей попирают заветы о любви, нестяжании, воздержании, милости: эта Русь хочет завладеть нашими монастырями и церквами? Москва Первопрестольная и беспрерывные крики от боли из застенок и на площадях, как будто заглушают звон колоколов. Вся эта богатая и в лохмотья одетая, спесиво-гордая и холопствующая, проповедующая и всепопирающая Русь и надвигается грозно на Дон!

Было Степану над чем призадуматься, было чего опасаться, было к чему готовиться, чтобы с'уметь предотвратить беду, могущую разразиться над широкими просторами степей, над братством казачьим, над Кругом Донским, над их Свободой и равенством в жизни. Начал Разин беседу вести с казаками о том, что видели очи, что слышали уши его на Руси, о том, чем так болела его душа-казака; обо всем том ужасе московской жизни, кото-

рый возможен и здесь, если Дон покорится царю; о том, что надо стать крепко донцам на защиту своего закона, своего порядка, дисциплины; стать на защиту заветов былых атаманов быть свободным и независимыми, как казаки ...

Но старания старшины имели уже свои плоды — глухо слушали Степана. Многие, сознавая притязания Москвы, были знакомы с ней только мельком, проходя по окраине ее; знали, что там не так хорошо, но слушая Степана, не могли полностью верить ему. Так многое было необычайного для них в рассказах Разина, так казалось невозможным. Хотя и знали кое что о боярах, воеводах кое что и про попов, но Русь была уже и тогда громадной страной для того, чтобы все знать и то, что Разин поведал, казалось простым казакам невозможным, бесчеловечным. Точно так, как сейчас многие заграницей не верят тому, что ни говорят про большевиков.

Трудно было поверить всему безусловно. Те же из старшин, что бывали, быть может, и сами в Москве, сами знали про жизнь простого люда, те же из них, что прекрасно сознавали все то, чего хотела Москва от Дона, не могли поддерживать Разина уже потому, что это было не в их интересах. И они пошли против него. Они, сознательно идя против государственно-политического строя донского, исподтишка и в открытую восстанавливали и рядовое казачество против Степана, доказывая, что должно слушать Москву, что Дон без царя московского слаб для самостоятельной жизни (т. е. то, что и теперт нам говорят).

Теперь то нам понятно, почему так вели себя многие из группы старшины. Дело в том, что верхушка домовитого качества, по заявлению Сватикова, прицепилась сердцем к Москве во имя освобождения из-под власти толпы, во имя почета и „благ земных“ (Как все это напоминает некоторые моменты из нашей жизни!). Их прельщала связь с Москвой, царские ласки; не нравилась им зависимость от Круга. Вся эта причина влекла их в сторону Москвы, а их уже достаточная зажиточность, постепенно возростающее влияние на Круге, заставляло прислуживаться к ним и рядовую массу казачью.

Это столкновение Разина с хорошо знакомой ему группой старшин, их тяга к подчинению Москве тяжело отозвалось на Степане. Думы тяжелые, горе и печаль безграничная за судьбу своего народа заполнили его существо. Он ясно сознавал, что „грозовая туча“ московская медленно, но уже уверенно нависает над Доном.

Надо что-то делать, надо на что-то решиться, надо как-то предотвратить эту опасность. Если старшина так уже хорошо обделана Москвой, что готова к измене Дону; если она зажирела, перестала интресоваться казачьей жизнью, то неужели все казаки так поступят! Неужели и те, победнее, так безразличны к заветам старины седой и к участи своего отечества — Дона? Или и они, как старшины, забыли о чести казачьей, о славе боевой: или им ненавистна Свобода и жизнь казаков?! Нет— нет, этого быть не можеть! Надо обдумать, надо пережить внутри себя все это и. . . надо что —то делать.

С этими мыслами он идет в среду бедняков, бездомных казаков. Степан хорошо видел надвигающуюся на Дон грозу, возможность воцарения здесь рабства, произвола, истязаний духа и тела, отрицания боярской кликой всех человеческих прав за народом. И не дай Бог случиться этому ужасу у нас на Тихом Дону. Он сознавал, что если так будет и и дальше идти, если атаман со старшинами будут продолжать потворствовать прихотям Москвы, то близко то время, когда седовласый, славный, так любимый им Дон будет в конвульсиях биться в загребущих московских руках.

Тогда-то, в годы после возвращения с богомолья, и зародилась у него мысль, перешедшая в твердое, неуклонное решение — какой бы то ни было ценой, каким бы то ни было путем надо сбросить, уничтожить на Руси бояр, как первоисточник всех зол, а с ним, если того потребует жизнь... и самого царя. Чтобы, оборвать, прекратить потуги Москвы на вольность донскую, на нашу землю; и братскую жизнь, надо установить на Руси казачий порядок, дать рабам возможность стать людьми, а не скотом. Оградить в дальнейшем Дон от начавшегося уже появления здесь крестьян и от бегуших за ними по пятам, как голодные шакалы, бояр и всех служилых царских людей.

Освободив их, избавив от безжалостной клики бояр, тем самым отстоять и защитить независимость Дона. Если старшина не согласна на это, если она прельстилась посулами и золотым гаманком московским, если она так уже отошла от массы казачьей теперь, то что—же будет дальше?!. Но.. как поднять народ против тех, кто так настойчиво упорно лезет в привольные степи донские, кто и во сне, кажись, мечтает наложить московские цепи рабства на них?!

Обуреваемый вот такими—то думами, он и решает — надо начинать с бездомных казаков; надо бросить им и всем, кто пристанет потом, клич к наживе, к разгулу, к возможности „пошалить“ в странах заморских. Если их сейчас и немного найдется, горевать не придется — две три сотни и можно начинать, а там российская голытьба пополнит ряды. Только бы две—три сотни...

„Да больше и не нужно. По пути
Еще пристанут, много их найдется,
И не заставят кланяться да звать.“
(Навроцкий).

Им—пожить, погулять, а для себя надо прежде всего приобрести средства, средства и славу, славу и средства, как базу дальнейшего и конечного похода туда, на север, на Москву, против бояр—рабовладельцев, против людей, ни с честью, ни с совестью не считающихся. **Через освобождение русского народа к защите независимости родного Дона и его свободы Казачьей.** Про этот то именно момент в жизни Степана песня нам поет:

„А у нас-то было, братцы, на Тихом Дону,
На Тихом Дону во Черкассом городу
Породился удал добрый молодец,
По имени Степан Разин, Тимофеевич.
Во казачий Круг Степанушка не хаживал,
Он с нами казаками думушку не думывал.

Ходил—гулял Степанушка во царев кабак,
Он думал крепку думушку с голытьбою:
Судари мои братцы, басурманские караблики
Возьмем мы братцы, казны сколько надобно!"
(М. А. Яковлев. Народное песнотворчество об атамане Ст. Разине).

Почти все пишущие про него обязательно приводят эту песню и особенно оттеняют, что „в Круг не хаживал", что „со старыми казаками думушку не думывал" и что „ходил-гулял Степанушка во царев кабак". А почему так было для них неинтересно, им важно только указать, что Разин пил не шуточно, а раз так, значит, он был низкого нравственного облика человек. Можно ли ждать чего-либо путного от пьяницы.

По моему же, прежде всего, песня эта создалась уже после смерти Разина, что видно из слов: „А у нас-то было"... В ней нет недовольства Степаном, нет ругани по адресу его, а наоборот, звучит сознание собственной вины перед ним, что не заметили человека, что заставили идти в кабак удалого казака, что и думать он с ними не хочет, а в Круг-то к ним перестал ходить. Вместо укоров ему, мы слышим только лестные слова для Степана: „удал добрый молодец", и не иначе как „Степанушка" да свет „Тимофеевич". В песне рисуется состояние казаков после смерти Разина, когда в скорости же они узнали все прелести Москвы, когда увидели свою ошибку, что послушились старшины, но что делать! Его уже нет. Звал Степан, не шли, говорил—не верили, а теперь лишь запели про доброго молодца, про Степана Тимофеевича. После драки кулаками стали махать, как говорится. Поздно было, родные, поздно!...

Пока Степан обдумывал план похода, пока переживал молча, готовя лишь обстановку к движению за наживой, выжидая удобного случая, как на Дон пришла весть, что князь Юрий Долгорукий там, далеко на западе, в войне против Польши, повесил его брата Ивана. А брат-то, ведь, был атаманом одного из донских отрядов, дравшихся там не по царскому велению, а исключительно и только по постановлению и указу Войскового Круга, как суверенной власти Дона. Только по повелению Донского Круга, вошедшего с Москвой в сговор, дрались тогда казаки с поляками.

Месть за брата многие считают одной из главных причин восстания Разина. С этим согласиться нельзя хотя бы потому, что если бы это было так, то он с места бы двинулся на Москву, чтобы отомстить, а он пошел в другую сторону — на Каспий. Эта казнь Ивана Разина была лишь последним актом оскорбления Дона Москвой. Это послужило лишь толчком к началу похода. Раньше послы не хотели вручать Кругу Донскому царских грамот, запрещали соль добывать, казнили казаков Зимовой станицы, не хотели даже ходить в Круг Войсковой, вмешивались во внутреннюю жизнь Дона, а теперь князь Долгорукий, по личной инициативе, атамана отряда повесил!... Чего же ожидать в дальнейшем?

„...и как собаку, казака повесил.
За что? За то, что он с своей станицей
Ушел из войска на родимый Дон"...

Так он имел право это сделать, так как казаки шли не по присяге, а по уговору, на определенный срок, уходя домой по окончании такового. Доброй волей платили головами за дань, что получали от Москвы; по доброй воле лили кровь за нее в борьбе за единую веру православную.

„Эх брат, Иван! Не думал ты, сердечный,
Что вместо честной смерти на коне,
В лихом бою, в кровавой сече,
Тебя собачья ожидала смерть!" (Навроцкий)

Нет, дальше медлить невозможно! Иначе будет поздно. За братом пойдут на веревку и другие. Надо, надо начинать. И Степан решил — поход!

Независимость и честь Дона так велят!..

(Продолжение следует)

Петро Манченко (ЧСР)

ПЕРЕМІШАННЯ ТУРАНО-БОЛГАР З БАЛКАНСЬКИМИ СЛАВЯНАМИ.

(Популярний історичний нарис).

Не зважаючи на переважаючу більшість балканських славян, перемішання з ними болгар не носило характеру цілковитої, до непізнання, асиміляції. Цілком відмінний тип сучасних болгар — тип, який протягом тисячеліття зберіг у собі й до наших днів риси пра-болгар, чисто турано-болгарські риси — єсть тому наочним доказом.

Болгари, які хоч і були в меншости по відношенню до славян, маючи в собі різко-відмінні антропольогичні властивости, посідали стільки своєрідної живучости, по турано-болгарські племінні риси прищепили перемішавшимся з ними балканським славянам.

Процес перемішання цих двох відминних племін відбувався поволі, протягом століть і періоди їх мирного, співдружнього життя в одній державі, були сприяючими до кровного перемішання факторами.

IX-те століття вважається болгарською історією одною з найважнійших епох, в яку етничні ріжниці між болгарами й балканськими славянами були зглажені. Самий процес перемішання, який відбувався й попередніми століттями, не був позбавлений внутрішнього тертя й зустрічав значний опір особливо з боку наближеної до болгарських ханів аристократії турано-болгарського походження.

Болгарська аристократія не могла миритися з абсорбуванням у своє коло чужоплемінного славянського елєменту й на цьому становищи лишалася непохитною аж до часу траґічної кривавої з нею розправи брата князя Расате-Володимира монаха Сімеона в тодішній столиці Плиска в році 893-му.

Консервативне становище аристократії було безкомпромісовим, але її вплив на ханів не був постійним, як не була постійною та тривалою сама влада хана. Престиж ханської влади часто намагалися підірвати инші претендети на ханський трон, що їм не рідко й вдавалося. Така боротьба „ліпших кандидатів" проти пануючого хана в більшости випадків приймала гострий характер і рішалася силою зброї. В ті межиусобиці втягувано було народні маси, які, завдяки ослабленню влади наверху, набували „суверенного" права самим вибирати собі одну або другу з ворогуючих сторон. Нерідкими були випадки. коли якийсь з претендентів на владу підюджував проти хана виключно славянську частину населення проти турано-болгарської й, коли в такій боротьбі виходив переможцем, то після детронації володаря, сам ставав на чолі держави, прибираючи титул хана й залежність від „ласки" бунтівничої маси, яка допомогала йому розправитися з ханом попередником, Тоді значіння та вплив болгарської аристократії в державі тимчасово підупадав й доля держави опинялася в руках випадкових, часових, революційно бунтівничих, безвідповідальних елєментів.

Кінець усобицям був покладений на початку IX-го стол. сильною волею та силою видатного державного розуму хана **Крума**, який зумів усталити династію, приборкати всих свавільних „ліпших кандітатів" і визволити народ від їх, згубної для держави, опіки.

Хани: Крум, Омуртаг і їх наслідники. розширюючи свої державні границі, не мало дбали й за дружнє, мирне співжиття двох народів у одній державі.

Після перекочування на Балкани, болгари, як пише д-р К. Міятєв*) з самого початку вступили в мирні та приятельські відносини з балканськими славянами.

Союз той подиктований був їм потребою спільної оборони вид південних ворогів.

Керівнича роля в державі знаходилася в руках болгар. Згаданий вищє автор, як причину цього, подає:

> „Славяне оказалися надто мало придатними для внутрішньої політичної орґ'анізації, до того ж посідали низчу культуру, тому з самого початку спільного життя руководяча роля була започаткована боярами Ісперіха. Завдяки тому й прлітичний центр держави оформився в її східньому краї, де турано-болгарське населення було найгустійше."

Укріпляючи внутрішній лад у державі, болгарські хани поступово приєднували до своєї держави й сусідніх славян. Так, наприклад, володіння хана Омуртаґ'а доходили до ріки Тиси, Карпат і Дністра. Хан Пресіян розширив свої володіння приєднанням Родопського краю й дійшов до Біломорря; його син і наслідник Борис опанував Охридщиною та полонинами албанськими.

Успіху цих, як завойованих, так і приєднаних мирним шляхом територій, немало сприяла принада вільного й рівного в правах з болгарами життя славян у болгарській державі.

Благобут населення протягом IX-го стол. зростав. Завязався жвавий товарообмін з культурною Візантією.

Славянський вплив почин. в зростати спочатку в низчих клясах. але після став проникати й між болгарську аристократію, яка все продовжувала робити, цьому небажаному для неї явищу, опір.

Хан Пресіян, а після нього Борис, були визначними протекторами славянської частини населення, бо в добу їх панування економична й військова міць держави полягала в славянській більшости. Це протеґ'ування викликало велике незадоволення у провідної болгарської верстви.

Хан Борис, щоб зтерти остаточно ріжниці між двома племінами, рішив вступити на революційний шлях боротьби з небажаним для нього явищем, Як засіб для осягнення наміченої мети, він прийняв християнство та з усією енерґ'ією насаждав нову, спільну віру між обома народами. Цей акт викликав рішучий спротив болгарської аристократії, яка не мала наміру поривати духового звязку з її степовими одноплемінцями та відмовлятися від вікової традиції. Внаслідок цього доходить до повстання проти хана революціонера; хан силою придушує повстання й круто розправляється з аристократією. Як каже д-р К. Міятев!

> „при подавленні повстання були масово вигублені найвидатнійші болгарські роди, а простий народ, коли лишився без проводирів, прийняв християнство та мову славян."

Одначе дух провідної верстви не був зломлений і тимчасове її упокорення перед революційним кроком володаря було лише вимушене жорстокими репресаліями.

Борис, захоплений християнською ідеєю, року 888-го видмовився від трону й углубився в працю над поширенням християнства в болгарській державі.

На троні був його старший син Расате-Володимир, який був надто далекий духом від батьківських революційних діл і не був по-батьківськи зфанатизований християнським містицизмом. Таку зміну в чоловому управлінні державою використала болгарська аристократія й шільно згуртувалася біля свойого молодого князя консерватора. Буйна натура князя була чуждою християнській покорі та богобоязні й не вміщувалася в узькі аскетичні рамки нового християнського учення, а відповідно до цього й спосіб життя князя Расате йшов у розріч з християнською моралью. „Поганська" поведінка Расате-Володимира була не до вподоби абдикувавшому старому князеві-новаторові; найбільше ж Бориса турбувало те, що Расате-Володимир оточив себе старими аристократами, які були різковороже настроєні проти релїґ'ійної реформи. Турано-болгарська аристократія, об'єднавшись біля молодого князя володаря, намірювалася стати

*) Д-р К. Миятев: „Симеоновият век"

знову на рішучий спротив проти візантійської віри. Про ті заміри знав Борис і, збентежений передбаченням небезпеки для його укоханої мрії — поширення християнства в Болгарії — вступив на безоглядний шлях боротьби проти сина-володаря: р. 893 Борис у співділанні з своїм молодшим сином-однодумцем монахом Сімеоном силоміць детронує князя Расате-Волоримира. На князя й його вірну аристократію було зроблено несподіваний напад. Над турано-болгарською провідною верствою учинено жарстоку кріваву розправу. Князеві Расате-Володимирові було виколоно очи.

Після такого „християнського" подвигу брат княжий монах Симеон скидає з себе монашу рясу й сідає з християнського благословення Бориса на княжий трон.

Легко упоравшись з братом, новий „богобоязливий" князь не знайшов у собі відваги лишити й надалі столицю в Пліска. У розшуках безпечнішої резиденції Сімеон зупинив свій вибір на Переяславці (Преслав), який був заселений славянами й на ті часи уявляв з себе міцно побудовану фортецю. Перенесення столиці було подиктоване Сімеону острахом перед уцілівшими незначними рештками турано-болгарської аристократії, яка в ту добу лишалася немов живим памятником міці державної, а майже цілковите знищення провідної верстви монахом-революціонером було грізним передзвістям наближавшогося занепаду болгарської держави.

ОБРАЩЕНИЯ

ко всем национально-мыслящим казакам в Польше.

Врем. Окружное Правление Польского вольноказачьего округа, уполномоченное Окружным С'ездом в Белостоке 22 апреля 1935 года на ведение работы по об'единению вольноказачьих сил на территории Польши, считает нужным указать всем вольным казакам на вредное для общего дела сепаратное выступление группы казаков в Луцке, якобы с целью создания нового округа.

Правление располагает сведениями, что выступление луцкой группы во главе с ст. Штовханем было инспирировано извне частью казачьей общественности, враждебно настроенной против округа и стремящейся к созданию в Польше своих группировок для раз'единения казаков на два враждующих лагеря.

При созыве псевдо-Окружного с'езда инициаторы его сознательно отказались от руководства принципом принадлежности существующих казачьих организаций и казаков одиночек к Вольному Казачеству, и на с'езде была представлена только часть вольноказ. организаций, случайно оказавшихся в лагере оппозиции к Окружному Правлению в Польше.

Проведя на с'езде намеченную извне программу и добившись утверждения искуственного раскола вольноказ. общественности на две группы, — „легализированное" оппозиционное Окр. Правление во главе с инж. Штовханем продолжает систематически проводить линию разделения казаков на своих и не своих и тем наносит огромный ущерб успешному проведению работы над осуществлением в жизни вольноказачьей программы, а казаков в Польше лишает возможности создания единого центра, который мог бы должным обрмзом защитить интересы об'единенных и вести культурно-общественную работу, в которой казаки нуждаются и которых в течение 16 лет не могут дождаться.

Это же правление, в своих организациях, проявляет полную бездеятельность. Например, Варшавская столичная станица во главе с Атаманом Бороздиным (он же и Окружной Секретарь), несмотря на неоднократное обращение с просьбой к Атаману членов станицы и Ревиз. Ком. — собрать сбор для обсуждения текущих дел и устройства казачьих докладов и вечеров, сбора до сих пор собрать не могла.

Станица все же существует благодаря только исключительной сознательности отдельных членов ее, которые внимательно следят за ходом событий, дабы в ответственные моменты достойно представлять Вольное Казачество.

В день национальнъого праздника — 11 ноября в торжествах вручения булавы вождю народа ген. Рудз-Смиглому, лучшему сыну Польши, преемнику и [illegible] нику идей Великого создателя государства I-го м[illegible] Польши Иосифа Пильсудского, ВК было представлено в порядке частной инициативы делегацией (во главе с стан. П. Ковганом, Инж. Еремы и ст. Манякиным), приподнесшей адрес.

Не входя в дальнейший разбор действительных намерений луцкой группы и причин заставляющих ее проводить оппозиционную работу по отношению к округу, Вр. Окружное Правление предлагает ст. Штовханю, во имя казачьей солидарности и торжества идеи ВК., немедленно прекратить вредную для ВК. работу и войти в состав ВК. Округа.

Тяжелое материальное и бесправное положение казачьей эмиграции заставляет с большим напряжением бороться за собственное существование, а долг перед лучшей будущностью нашей Родины кладет на нас обязанность жить идейной и организованной жизнью, ввиду чего Правление обращается с горячим призывом ко всем вольноказачьим организациям, входящим в состав округа, теснее сплотиться вокруг вольноказ. идеи, а всем казакам, не успевшим зарегистрироваться, присоединиться немедленно к округу и укрепить его созидательную работу над проведением вольноказ. программы и улучшением материального быта казачьей эмиграции.

25. XII. 1936. Польша.

Окружной Атаман Инж. С. Тулаев.

Помощ. Окр. Атам. Агр. В. Еремеев.

ПО ВОЛЬНОКАЗАЧЬЕМУ ОКРУГУ В ПОЛЬШЕ.

I.

Группа казаков—инженеров и техников, обсудив положение, создавшееся после сепаратного выступления части казаков в Луцке во главе с инж. Штовханем, постановила:

1) Считать выступление группы инж. Штовханя за явление вредное, вносящее только раскол в вольно-казачью семью в Польше;

2) Предложить инж. Штовханю немедленно прекратить оппозиционную деятельность и вступить в переговоры с Вр. Окружным Правлением на предмет создания единого округа;

3) Привнать Вр. Окружн. Правление и оказать ему полное содействие в работе по организации округа и созыва окружного с'езда;

4) Обратиться ко всем казакам в Польше с призывом немедленно прекратить пагубное для всего ВК. деление на враждебные группы и группировки, войти в состав округа, утвержденного окружным с'ездом, и принять активное участие в окружном с'езде, который предполагается созвать весною 1937 года;

5) Настоящее постановление отправить Окружному Атаману инж. А. Тулаеву для надлежащего использования.

1. I. 1937 г.

Инж. С. Сутулов — Вильно,
Инж. А. Жучонков — Новогрудск,
Инж. Н. Любимов — Белосток,
Др. С. Ереми — Варшава,
К. Муравьев — Лодзь,
Инж. А. Асеев — Пиотроков-Трибунальский.

II.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

группы казаков в гор. Вильно.

Нижеподписавшиеся казаки, проживающие в городе Вильно, заслушав информацию Окружного Атамана С. Тулаева по казачьему вопросу и необходимости произвести широкую организацию на местах казаков с целью улучшения условий жизни казаков в Польше и ведения работы по осуществлению идеи Вольного Казачества, постановили единогласно:

1) Образовать Вольно-Казачью группу в Вильно;

2) обратиться к Окружному Правлению с просьбой о регистрации группы;

3) обратиться ко всем казачьим организациям с призывом войти в Вольноказ. Округ и совместно работать по разрешению казачьего вопроса и осуществлению программы ВК. в жизни.

31. I. 1937. гор. Вильно.

Инж. С. Сутулов,
П. Дюжиков,
И. Фединов,
И. Барсуков,
Р. Ревенко.

(Группу в Вильно утверждаю: Окр. Ат. Инж. С. Тулаев. 1. II. 37.).

III.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

собрания вольноказ. ст. в Милееве.

Дня 5-го января 1937 года станичное собрание, под председательством Атамана Леона Монтукова обсудило вопрос образования в Польше Вольноказачьего Округа и признания Окружного Правления в составе: С. Г. Тулаева и В. Т. Еремеева и постановило:

1) Присоединиться в Вольноказачьему округу, как равноправный член округа;

2) выразить полное доверие Окружному Атаману С. Г. Тулаезу, как и всему Окружному Правлению в его работе по созданию единства в ВК движении, а также по принятию мер к улучшению материального быта безработных казаков в Польше;

3) просить Окружное Правление зарегистрировать вольноказачью станицу в Милееве в состав округа;

4) не признавать Окружное Правление во главе с г. Штовханем, как не отвечающее интересам казаков в Польше;

5) согласно постановлению Окр. С'езда обложить членов станицы членскими взносами в сумме 50 грошей, при чем 30 грошей из этой суммы отсчитывать в пользу округа;

6) предложить всем вольным казакам в Польше войти в состав ВК. округа, возглавляемого инж. С. Г. Тулаевым и агр. В. Т. Еремеевым и, сообща с ними, обсудить вопрос сбора очередного окружного с'езда, на котором представители всех в.-казачьих организаций могли бы выбрать единое окружное правление.

Стан. Атаман Л. Монтуков,
Помощ. Ст. Ат. И. Бембинов,
Писарь Л. Доржинов,
Член Рев. Ком. В. Молунов.

Члены станицы: Ив. Шинхаев, К. Шилов, Ст. Карпов, Н. Бадьминов, С. Абушинов, С. Мосинов, А. Васильев, М. Мошоков, К. Середин, А. Подгорнов, М. Лактионов, С. Каменев, Эр. Бодашкин, П. Бултуков, М. Ященко, С. Колесников и С. Левченко.

(Правление Милеевской Вольноказ. станицы утверждаю: Окр. Атаман Инж. С. Тулаев. 1. II. 37).

IV.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Группа казаков-националистов, ниже сего подписавшиеся, проживающие в городе Варшаве, на собрании от 3-I-37, рассмотрев предварительно из казачьей периодической прессы и литературы все казачьи политические течения с начала и до последнего времени по деятельности заграницей, а также положительные и отрицательные их стороны и обсудив, что в текущий момент напряженного международного политического положения Казачество, во имя своего спасения, должно быть едино и об'единено в одну организацию, во главе которой должна стоять организация, достойная своего славного в прошлом народа, нашла, что самой активной и плодотворной организацией, как в смысле программы, так и технической и организационной постановки дела по об'единению казаков, базиру-

ющей на незыблимых основах казачьей Конституции и традиций, с проявлением безграничной жертвенности и самоотверженности на общее благо и во имя идеи, а не личной наживы и благополучия, устраняющей на своем пути сребролюбцев и предателей — есть организация, возглавляемая выборным Центральным Правлением ВК.—КН. в Братиславе, а по сему собрание единогласно постановило:

1) Предложить вольным казакам об'единиться в одну организацию, а для этого предложить Окр. Атаману г. Штовханю по соглашению с Окр. Атаманом инж. Тулаевым выбрать от своих округов делегатов, в пропорциональном отношении от организаций, на Окружной с'езд для выбора единого Окружного Правления, которое об'единило бы всех казаков под флагом Центр. Правления ВК., а также просить ЦП. в кратчайший срок собрать Круг вольных казаков для об'единепия всего ВК.

2) Просить Окружного Атамана инж. С. Тулаева о немедленном принятии мер по § 1 настоящего постановления.

3) Окружного Атамана инж. С. Тулаева просить о принятии нашей группы в ряды ВК. по вверенному ему округу.

4) Поздравить всех вольных казаков с Новым Годом и сердечно пожелать об'единиться в одну семью.

5) Сердечно благодарить представителей ВК. за неутомимую работу.

Слава Казачеству!

С. Шумилин, А. Солдатов, С. Еремп, Желтобрюхов, А. Карташов, И. Рудаков, П. Бабников, Н. Поматуев, И. Филимонов, Г. Растригин, Михайлов и А. Карпов.

(ВК. группу в Варшаве утверждаю Окр. Ат. Инж. С. Тулаев. 1. II. 1937.)

Хуторской праздник.

Вольные казаки—члены хутора имени Атамана Ермака Тимофеевича в Лесковеце (Блг.) 14 января 1937 г. отпраздновали свой хуторской праздник. Сложившись по небольшой сумме денег, закупили мяса, вина, нажарили, наварили и в два часа дня открыли праздник. Первые чары были подняты за неугасимую славу Казачества, за его процветание, за всех атаманов, верою служивших Казачеству. Выпили, закусили, повели казачью беседушку, полилась песня, заревела гармония и затряслись полы от лихого казачка. Зашла речь о казачьей истории и каждый из присутствующих блеснул знанием как казачьей подлинной истории, так и пониманием казачьих интересов — куда и за кем идти Казачеству в будущих событиях. Под конец один из гостей вышел и затащил бродячий циганский оркестр. Это внесло новое оживление. Начались танцы под звуки оркестра. Поздно разошлись хуторяне по квартирам. Славно прошел хуторской праздник: было чинно и торжественно сперва, шумно и весело потом и мирно закончили гулянье. Дай Бог следующий праздник провести в Казакии.

Н. С. Пискунов. (Лесковец)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ.

Вольные казаки города Августова, обсудив настоящее положение казаков в Польше в связи с выступлением И. Билого и его „Окружного Атамана“ г. Штовханя, постановили:

1) Не признавать г. Штовханя Окружным Атаманом Вольноказачьего Округа в Польше, как личность казакам неизвестную;

2) признать Окружное Правление во главе с выборным Окружным Атаманом, который вместе с Центр. Правлением ВК.—КН. пойдет по справедливой вольноказачьей дороге.

Подписали: Иван Мотарыгин, Ем. Кочетов, А Громов, С. Железников, А. Кирьянов, Г. Цыганков, М. Муругов, Колпиков, Г. Калиниченко.

Гор. Августов. 31. I.

(Группу в. казаков в Августове утверждаю. Окр. Атаман Инж. Тулаев).

В ВК. округе в Югославии.

„КАЗАЧЬЯ ЛАВА“ — под этим родным названием вышел в Белграде новый националистический журнал под редакцией нашего известного поэта Павла Полякова. Журнал издается Правл. Коша, об'единяющего вокруг себя ВК. организации, не признающих местное Окр. Правление, утвержденное И. Билым. Новый журнал симпатично выглядит внешне и приятен по содержанию. В номере, кроме старых и известных в ВК имен, (сотрудников „Казакии“ преимущественно), есть новое нмя — ген. З. А. Алферова, который дал об'ективную и содержательную статью. Ред. „Казакии“ приветствует нового собрата — „К. Л.“.

---

14 февраля с. г. в ресторане Панок состоялось очередное годичное собрание Пражской ВК. имени атамана Булавина станицы. После доклада стан. атамана Н. В. Каледина о деятельности станицы за истекший год, были перевыборы исполнительных и контрольных органов станицы.

В результате голосования избранными оказались:

Атаманом ст-цы Н. В. Каледин.

Член. Прав. ст. Карташев.

„ „ ст. А. Бурчинов.

Писарем и казначеем ст. А, Медяник.

Кандидатом ст. Маркин.

В Ревиз. Ком. ст. инж. Д. Н. Еременко и ст. Быков.

После выборов ст. инж. В. Г. Глазков сделал доклад о внутреннем положении Вольного Казачества, ст. Бурчинов—отчет о своем реферате о Белоруссии.

Соб. кор.

Самый непростительный грех для партийного лидера — это довести свою партию до раскола.

А. БАЛЬФУР.

С. Федоров

ДУБЫ „МАМРИЧЕСКИЕ“.

Рассказывал как то отец покойник: был у нас в станице матерой казак К.; помню этого кременного деда, да лучше уж замолчу его фамилию, царство ему небесное! Здоровенный, горластый, упрямый, ему хоть кол на голове теши, а он всё свое, на станичных сборах никогда ни с чем не соглашался. Все по своему. И физиономия была не из приятных-глаза снохача, смотрят в сторону, бегают. К отцу относился с превеликим почтением, как и вся станица. Чего дивоваться! Отец 23 года там прокомандовал местной командой, был станичным казакам и судьею, и отцом и арбитром в делах спорных станичных и семейсных, часто его приглашали на сбор, хоть были мы не Лабинские, а Расшеватские, да и сами атаманы Отдельские и Наказные не раз советовались с отцом, приезжая туда. И хотели Лабинцы, чтобы отца переписали из Разшеватки в их станицу, а вот не прошло.

— Што жа, оно конешно человек он наш и дажа дюжа много про станицу нашу заслужилси, ды опять жа у няво пять сынов да девка, сколько ета нада паев им нарезать!, а памреть и вдаве и девке дай!...

Земли то в Лабинской было слава Те Господи! Юрт большой, а казаков мало, тыщи с три, зато городовика пришлого в десять разов больше.

Так вот этот дед К., да еще иные „горланы“, как их называли и помешали.

— Мы вас, Ваша высокая благородия, Ликсей Тимофеич, и дажа дюжа поважаем, а приписать никак не могём?

Зато себе планы дворовые, по полдесятины нарезали ни во что же сумняшеся. А вот просил раз как то учитель лабинский, что бы ему из его пая позволили под сад и огород вырезать не пол десятины, как все остальные, а целую десятину. Разведу, мол, там школу плодовых деревьев, буду их даром станичному обществу давать, и дешево тем кто захочет, сады у нас на Лабе большие, да дерева то никчемные: всей станице польза будет.

Обсуждал сбор и... не дали. Раскричался дед К.. а с ним горланы станишные — „Иш ты чаво захотел! Выреж яму десятину, а он там **Дуб Мамрический** пасодя, да и будя там чаи распивать! Нельзи! Нехай, как и усе так и он будя ганять скатину на выган, а сады гевсиманскаи рассаживать не позволим!...

И не позволили, хоть у учителя скотины то и было, что пес на дворе, да кошка в доме.

С той поры прозвал отец деда К. „Дубом мамрическим“, и так за ним до самой смерти и осталось это прозвище по станице, а с ним перешло и иным подобным горланам.

Ну, когда это было в станице, пол беды с тем. А вот тут у нас, в заграничьи, не мало таких **дубов** мамрических выявляется на всех поприщах жизни казачьей. Им хоть кол на голове теши, пиши о пользе Войсковой и казачьей, о праве казачества на свое народное, историческое и государственное житье! Им все одно. Такие, мол, растакие-дубы мамрическаи разсодять, да и будут себе в своей Казакии чаи распивать, да благоденствувать. Не жалаим, и не нада никакой Казакии, нехай будет по старому — под палкой московской!, а иные прочие хоть и не под московскую, так под иную — украинскую тянут,

О них то и будет наша речь.

В львовской социалистической газете появилось 15—17 ноября 1936 г. в №№ 259, 260 статья „украинскаго казака с Кубани“ инженера Васюка „Козацкий сепаратизм и украинська Кубань“. В Лабинской были хоть Дубы Мамрические не ученые, а в заграничьи об'явились и дипломированные.

Напал он в этой статье не только на казаков-националистов и их органы „Казакию“ и „Вольное казачество“, но и на Гетманскую Управу Украины и на всю казачью государственность вообще.

По его выходит, что наши Земли казачьи „вещь ничья“, которой „могут владеть, кто угодно по праву первой оккупации“. И конечно, только одна Украина и народ украинский смеют владеть нашими землями и распоряжаться ими, мы же, казаки „чужие“ и наша государственность „чужая“. Надо только удивляться до какой наглости могут доходить казачьи выродки в заграничьи!, те самые сыны казачества, которые воевали за казачью государственность в прошлом (а может и не воевали?), а теперь попипают ее.

Возьмем же с его окончания статьи-словами Председателя Куб. Рады Рябовола, что „Украина наша мать“ и когда прийдет время освобождения, никто не заставит нас, не спровоцирует, „что бы мы полоскали сабли свои в крови своей матери“, так вставляет в слова Рябовола свое „верую“ кубанский охреянин, заявляя, что никогда не будет оборонять казачью государственность.

При всем том, одноко, он нарочито забыл указать украинцам-галичанам, что покойник Рябовол говорил слова о „Матери-Украине“, именно при приветсвовании посла Украинской Гетманской Державы в Раде (парламенте) Кубанской народной республики, о которой во всей длиннейшей его статье нет ни слова.

Если же украйнская держава имела добрососедские отношения и даже союзнические с державами казачьими Дона и Кубани, то почему же тогда будет „противоестественным и изменническим“ если здесь, заграницей, перед началом новой совместной борьбы за освобождение своих земель от власти красных оккупантов, представители гетманской Украины возобновили с представителями казачьей эмиграции, старые договорные отношения, на которых были построены взаимоотношения обоих государственностей?

И как может твердить автор о том, что „в новою державу Казакию включены целиком территории чисто украинских земель Кубани, Ставрополья, Черноморья, украинская часть Дона и Астрахани и не горская часть Терека?“ — „Таким образом отказываемся в пользу чуждой державы, так званой Казакии, от всех Северо-кавказских

украинских земель, целостной украйнской территории с этнографическою украинскою массою народа, казачьего и неказачьего, до 65%, более чем на 200 тыс. кв. километрох, 5-ти миллионов украинцев, земель с давних давен украйнских, жемчужины Украины"!

Как можно твердить всю эту галиматью, когда казачество жило на своих землях сотни лет и всего лишь возобновило свою государственность в революцию 1917 года! Твердить, раз эти земли, более чем тысячететие, принадлежали казачеству и его предкам, когда ни могучая Турция, ни менее могучая Моска в течение долних столетий не могли справиться на них с казачеством?

Имено эти же казаки, а не пришлое украинское население, создали на этих землях свою государственность, возобновили ее еще во времена Временнаго российскаго правительства Керенского и суверенной волей населения об'единили свои казачьи государственные образования в больший государственный Союз-**Юго-восточный Союз Дона, Кубани, Терека**, горских и вольных степных народов. К этому Союзу позже присоединились Астрахань, Урал, Оренбург, создавши, таки мобразом, именно ту самую Казакию, о границах которой упоминает г. Васюк, по обложкам казачьих националистических журналов.

Он был бы целиком прав, если бы написал, что новое название казачьего государственного Союза-Казакия, появилось здесь, заграницей, но сама государственность существовала с 1917 года, обороняла свою Землю вооруженной рукою, вела дипломатические сношения с той же самой Украиной, и даже в то время негетманской, имея своего посла на Украине со времени образования Союза. При этом же после имел честь состоять и автор этих строк, в роли советника — представителя населения Кубани и Черноморской губернии.

А раз казачий народ, выполняя свое суверенное право, имел право назвать свой Союз-державу, таким именем, которое еще более удлинилось по мере присоединения к нему иных войск, то почему мы, казачья эмиграция заграницей, творящая ничто иное, как то же самое, что творили у себя дома, не имеем права назвать свою Державу, более содержательным именем, выражающим более полно всю сущность ее, историческим именем одной из частей Земли казачьей — Казакии, известной еще по мемуарам византийского императора Константина Багрянородного?

Переименовали же Персию в Иран, королевство Сербов, Хорватов и Словинцев в Югославию, державу войска Запорожского в Украину, хотя название Украйна, как насвание государства, не более старо, чем наша держава Казачья, которую мы теперь называем Казакия. И эта держава не размером с Румынию, больше чем Эстония, Литва, Латвия, как пишет г. Васюк, а размером в 960 тыс. кв. клм, вдвое больше самой Германии и Украины, с населением в 11 миллионов душ, среди которого, по исчислениям после переписи 1926 года, было не 95%, а только 28.9% украинцев по языку, и ни в коем случае не 5 миллионов!

Действительно, о ней говорили, как о житнице России, жемчужине короны, но эта жемчужина была казачьей, а не украинской, на которой украинское население очутилось только в силу колонизации ее старшиною, а на Кубани и совсем только с 1864 года, когда было позволено селиться на Кавказе не казакам. Как же тут можно твердить о том, что она „с давних давен суть украинская"? Ведь в конце концов, только не больше половины Кубани, черноморская ее часть, могла бы быть названа по языку украинскою, на всей же остальной территории, иногороднее украинское население было разбросано как на шахматной доске, вкраплено между поселениями казаков и коренных обывателей Казакии-горскими и степными народами.

И при этих условиях на самой Кубани было едва лишь 50% населения, говорящего наречием близким к украинскому языку, а в Ставрополье только 30% украинцев, на Дону — 30%, на Тереке всего лишь 10%, а на Астрахани только лишь 4%. С равным и еще большим успехом мог бы твердить г. Васюк, что колонизированные украинцами земли далекого Востока, Сибири, Бразилии, Северо-Американских Штатов и Канады, есть украинские и не признавать иной государственности на ней, не говорим уже о Буковине и Бессарабии румынских, Подкарпатья в Чехословакии и самой Галиции в Польше!

Какой же может быть разговор о том, что какое бы то ни было украинское правительство, подтверждающее с казаками ранее существовавшие договорные отношения, „отдавала и присоединяла живущих на казачьих землях украинцев к чужой державе"?

И еще менее можно говорить о том, что земли казачьи „земли ничьи, которыми можно владеть по праву первой о к к у п а ц и и" т. е. заимки. На этих землях жили казачьи предки, когда еще не существовало и самой Киевской державы князя Владимира, и тогда они имели здесь свою епархию, в то время, когда Русь еще не была и крещена и защищали свои границы. Не даром же Донской атаман ген. Краснов, в письме к императору Вильгельму, указывал на истоки казачьего Дона со времен княжества Тмутараканского, главный город которого был на кубанской Тамани!

Точно также нельзя твердить и о кубанских землях, что они были ничьи, оккупированные остатками запорожцев после их переселения на Кубань в 1791-92 гг. Всего лишь 15 лет перед ними на Кубани сидело Великое Войско Кубанское, с давних времен, составленное Донской эмиграцией. Оно было вытеснено российскими войсками за Кубань, а потом, после присоединения Крыма, в Турцию на Дунай и существовало там до 1860 года, когда, по проискам российского правительства, турки уничтожили его, а через год на Кавказе, из Войска Черноморского и остатков В. Кубанскго, скрывавшихся в дремучих лесах Закубанья и плавнях Кумы, и ее притоков, в большинстве пополнивших Кавказское Линейное Войско.

Великое Войско Кубанское было хозяином этих земель, имело здесь и свою архиепископию Кубанскую и Терскую с двумя викариями! Напрасно бы искали читатели эти сведения в российских

учебниках и конечно б. учитель Васюк не учил о нем кубанских школяров, он и сам ничего такого не знал, но здесь, на эмиграции, не раз слышал и читал правду казачью.

Поэтому не может быть и речи о том, что „за счет украинских территорий и украинского народа творятся казачьи державы". Право Казачества Суверена создало эти государства, и ему одному только и принадлежит право распоряжаться судьбою их!

Точно так же нельзя говорить и про отделение этих з мель от Украины и передачу их Казакии, ибо они никогда не были украинскими, а всегда и только казачьими. И никогда не было никакого государственного акта о присоединении этих земель к Украине.

Если это так, а иначе оно и быть не может, то совершенно неправдивым является утверждение г. Васюка, что в казачьих журналах „Казакия" и „ВК" намечен российский характер этих держав. Не было бы нужды городить огород самостийный заграницей, если бы казаки националисты заранее решили работать для общероссийской государственности. Казаки возстанавливают свою совершенно независимую суверенную Державу — Казакию точно также, как это делают украинцы с Украиной.

То обстоятельство, что казачья националистическая пресса есть двухязычная, целиком естественно, т. к. оба эти языка употреблялись поручь себя на территории казачьей, тем более, что можно с уверенностью сказать, что 90% кубанской эмиграции не владеют украинскою письменностью и с трудом бы пользовались украинским литературным языком, которому они никогда и нигде, за небольшим исключением казачьей эмиграции в ЧСР, не учились.

Двухязычие журналов обозначено и на обложке, и статьи в них печатаются на тех языках, на каких авторы дают свои труды для помещения в них. В конце концов и не важно на каком языке печатается слово казачье, важно что именно печатается проповедниками казачьей Воли. Само собою разумеется, что когда миссионер идет проповедывать слово Божье к иноязычным народам, то он не будет им служить обедню по церковно-славянски или отправлять латинскую мессу. Роль казаков-националистов и есть роль проповедников среди той темноты государственной мысли, которая затемняет еще московской, а теперь украинской, теменью мозги, не только казачьей массы, но, к сожалению, и ее интеллигенции, даже и дипломированной, вроде г. Васюка и ему подобных!

При этом не нужно закрывать глаза и на то обстоятельство, что значительная часть кубанцев, с типическими черноморскими фамилиями, заполняет ряды различных российских монархических и иных организаций, и даже на руководящих ролях, будучи люто враждебными ко всему украинскому.

Мы можем наверняка сказать, как они отнесутся к словам г. Васюка о некупании казачьих сабель в украинской крови; именно они и не задумаются над тем, чтобы основательно обагрить их, как не задумывалось все кубанское казачество в войне с Советской Россией 1917-20 гг. Чего ж мы будем замалчивать, что именно наибольшую часть большевицких войск на казачьих землях составляли украинские иногородние обыватели их. Да в конце концов и после речи г. Рябовола, кубанские полки сражались против "петлюровцев" на Украине. Политика часто заводит туда, где не слышно голоса крови. Заводила она не одних только кубанцев, именно те галичане, которым так неправдиво преподносит г. Васюк положение на казачьих землях, тоже по соображениям иного порядка должны были подчинить свою армию Деникину, а позже даже и большевикам. Им это особенно должно быть понятно.

Но казаки-националисты именно и стремятся к тому, что если уж придется купать козачьи шашки в ворожей крови, так чтобы купали их вместе с украинцами против общего врага, завладевшего временно их Родными Землями!

И те же галичане, по опыту Великой Войны, отлично знают, что за мощную силу из себя представляют казачьи полки и пластунские штыки, что бы сетовать подобно Васюку над тем, что гетманская управа отдает „без единого выстрела" „кому то и присоединяет до какого то, на бумаге выдуманного государства".

И дальше он же задает ряд вопросов: „Нас отделяют от Украины и передают Казакии... за что нас отделяют от других украинских казаков и отдают к чужим и в чужую державу?" А раз, мол, „мы" будем в той державе, то за нее же придется и сражаться „за какую Казакию мы должны биться, украинцы кубанские казаки, когда нам не нужно Казакии!?" Само собою разумется, что государство не спрашивает своих сограждан, будут ли они и должно ли за него сражаться, так было и в казачьих Войсках, так очевидно казачество и не будет спрашивать подобных „украинских кубанских казаков" угодно ли им или не угодно? Для последних ответ прямой и короткий" без единого выстрела-осиновая ветка с петлею!„

После всего упомянутого совершенно не нужно опровергать вопрос, поставленый Васюком: — „что вопрос кубанских и иных казачьих (украинских?) земель не был поставлен ясно".

Чего уж яснее все то, что было на них и то, что казачья эмиграция вышла заграницу со всеми атрибугами своей власти. Казачья государственность и сейчас, не только символически, пребывает заграницей и понятное дело, что именно считает **святою собственностью** свои казачьи земли, обильно политые казачьей кровью и удобренные прахом казачьих тел поколениями. И само собою разумеется, что нашей святой обязанностью есть оборона этих земель от всех, кто бы хотел вооруженной рукою присоединить их к себе против воли нашего народа. Так ведь поступали и Великая Украина и сама Галиция в недавнем прошлом, наравне с казачеством. И кто бы мог упрекать их в этом?

Да и как бы сказала сама украинская общественность, если бы вдруг появился какой нибудь украинский выродок, типа махновцев, и начал бы упрекать казачье правительство в том, что оно в прошлом, заключивши договор с Украиной, теперь подтверждает его?

Так как он, побезчинствовавши в свое время на землях б. Запорожья вообразил бы себя на самом деле запорожским казаком, предки которого только и делали, что ссорились с „городами“ и гетманатом, а теперь бы укорял кубанцев, потомков тех же запорожцев, что они „присоединили и передали запорожских казаков к чужим и чужой державе Украине?“ А ведь махновцы действительно же есть в эмиграции и некоторые из них держатся казачьего хвоста, а не украинского!

— Сумасшедший человек! Белены наверно об'елся! — был бы единый справедливый ответ. Ну, а что скажут наши казаки г. Васюку и всем казакам, которые вместе с ним в новоявленной заграницей „Спилке громадян Північного Кавказу“ кощунствовали над гробом старого вождя Вольного Казачества Щербины и вселяют в украинские мозги дурницы подобные написанным в „Діле“?

Пусть уже они ответят сами.

Поэтому и все укоры в адрес старшего „громадянства“ кубанского, которое не заявило об определенном политическом положении земель Кубани и Северного Кавказа, абсолютно безпредметны. 90% кубанцев в эмиграции, так же, как и дома, определенно стоят на той почве, которую всем нам указала казачья государственность дома. Вне зависимости от своих политических убеждений, все они одинаково стоят за свою Кубань, как государственное целое, будь то „впредь до“ как об этом думают руссофилы, или казаки-националисты, не кладущие никаких ограничений в государственном будущем Кубани, или и те кто чувствуют себя по крови украинцами, не идущие далее постановлений Рады о федерации с украиной, наше священное прошлое всех нас обязывает!

И все это указано и запечатлено будь в договорных отношениях Об'единенного Совета Дона, Кубани и Терека, будь в договоре последнего парламентарного на Кубани правительства инж. Иваниса, с правительством Украинской народной республики на эмиграции, будь в соглашении ВК с Гетманской Управой. И линия поведения УНР в этом отношении была так же определенна как и Украинской гетманской державы, — не на радость г. г. Васюкам. И само же собою разумеется, что совершенно не могут нести никакой ответственности галицкие украинцы за положение на казачьих землях, ибо на них было такое реальное положение вещей, которое не допускало никакого вмешательства Галиции и ее, эмигрантской в сущности, армии на Украине и под Деникиным, в дела Казачьи. Галичанам едва лишь было в пору оборонять свою государственность на родных своих землях! Итти на безответственную провокацию, рекомендуемую Васюком, значило бы погубить в корне всё украинское дело — меньшинства на территории казачьей государственности. На это Галичане итти не смели и не могли. Казачество было и есть суверенным в разрешении вопросов своей государственности. На своих землях оно было паном еще перед образованием России, пановало там и при России, будет паном и после нее!.

Если же Гетманская Управа и сделала такой шаг, то это был шаг политической мудрости и прозорливости ее водителей, продиктованный глубиною государственного ума ее возглавления.

Без независимой Украины не будет независимого Дона и наоборот, говорил донской посол на Украине ген. Черячукин, в Дон. летописи, и это понятно для казаков националистов и гетманцев украинцев, и если Гетманская Управа распространяет б. договорные отношения с Кубанью и Доном на все казачество вообще, на всю Казакию, то оно только предусматривает возможности будущего и поступает так, как это делало правительство Украины в отношении той же самой Казакии, но под иным длиннейшим названием — Юговосточного Союза Дона Кубани, Терека и т. д. и т. д.

И понятное дело, что вуже абсолютно никакого права не может иметь распоряжаться судьбою казачьих земель какой-то „Всеукраинский конгресс“, на который возлагает надежды г. Васюк с присными и тем более, что он не является выразителем мнения всего украинства, так как в нем не принимают участия ни государственно строительные элементы украинских хлеборобов, ни рабочих, ни представители националистических кругов, не могут там быть и украинские представители самой Польши, уже по тому, что им не позволит государство, оккупировавшее Галицию, как не позволят и украинцам Буковины, Бесарабии и Подкарпатья. Этот конгресс, в котором заправилами являются эмигрантские социалисты всевозможных оттенков, пристегнутых к II интернационалу, который связался с III интернационалом коммунистическим, это всё пришей-пристебай общего фронта против „фашизма“, под гребенку котрого они стригут все вообще националистические движения, решал бы судьбы казачества и наших земель? Нет, шалишь! Марксисты никогда не будут решать наши судьбы мирным путем в заграничьи, с марксистами казаки решали судьбы оружием в руках и казачество не прекратит с ними своей борьбы, пока тем же казачьим оружием не выгонит их со своих родных земель, ибо марксизм и коммунизм родные братья, они — могила казачества, а раз уж стоит вопрос о том, кому быть в могиле, то казачеству нечего раздумывать — пойдет туда и тот брат по крови, который изменяет национальному делу!

Только безмозглые выродки могли рекомендовать украинцам нечто подобное и возлагать надежды на такой Всеукраинский конгресс. Как в прошлом было казачество сообща с Украиной гетманской в деле борьбы за национальное достояние, так оно будет и в будущем.

Дело освобождения есть наше дело общее, один без другого мы не будем иметь своей государственности И те украинские братья, которые очутятся в границах казачьей державы Казакии, будут связующим цементом между державностью Казачьей и Украинскою на пользу обоих народов, Украины и Казакии!

Пример Таганрогского Округа, плебисцитом 1621 года отказавшегося пресоединиться к Украине и пожелавшего остаться 75 процентами голосов с Доном, говорит сам за себя!

В конце концов, нечему и удивляться, что в казачьей среде появились такие Васюки, раз есть среди казаков неисправимые русотяпы, которым Россия дороже, чем Казачество, то почему бы не появиться и отрыжке этого руссотяпства?

Дубы „мамрические“, которым хоть кол на голове теши, были, есть и будут всегда, как среди черноморцев, так и линейцев.

Инж. В. Глазков (ЧСР.)

УРОДЫ В СЕМЬЕ.

Российская эмиграция обогатилась еще одним сумбурным журнальчиком, под названием „Сбор". Уже обложка его вызывает улыбку; там „мило сочетались" казачьи булава и бунчуки с украинским тризубом, и девиз „За вольное Казачество" с девизом „За Россию", в самом же журнальчике все пестрит вольноказачьими лозунгами, лозунгами казаков националистов. Одним словом, настоящее сорочье гнездо!—Натаскали отовсюду разных вещей, понатягали блестящие безделушки откуда только можно было и теперь, как неугомонные сороки, среди чужого достояния, талдычат на все стороны, все одно и тоже, своё; „знает сорока Якова и зовет им всякого"!

Такими мудрецами являются парнишки, сами называют себя молодежью, хотя вожакам их давно перевалило за сорок, из Национального Союза нового поколения, где образовали специальную казачью секцию, которой и поручили отравлять казачьи души. При этом невольно вспоминается, что и большевики, для разложения Казачества, тоже пользовались созданной ими (12. VI 1917 г.), при Всероссийской коммунистической партии, казачьей секцией, которая в годы казачьей борьбы за свой порог и угол отравляла казачьи мозги и раз'едала казачье тело.

Казачья трагедия прошла, очевидно, мимо их „младенческих" мозгов, иначе они не принимались бы за свое грязное дело в угоду позвавшим их на службу разными проходимцами, и, прикрываясь именем казака, не старались бы повернуть вспять историческую казачью мысль. Возможно, что они это делают вполне сознательно! — не даром же среди их писак видим мы фамилию, запятнавшего себя клеймом палача в страшный день смерти борца за Волю Кубани священника Кулабухова.

Как рачьше большевики старались разложить возрождающееся Казачество Подтелковыми, Сорокиными, Кривошлыковыми, так ныне, из галлипольских землянок, пускают к казакам Колковых, Мамуковых, облекая их в овечьи шкуры. Мысль их ясна, цель прозрачна!

Российские единонеделимцы окончательно потерпели крах в своей борьбе с казачеством, после ряда горьких и страшных уроков, понявшим цену и цель этих „друзей". Они ублажали себя мыслью, что все же „казачков" докончит советская русская власть, о чем злорадно писал, пражский журнал „Знамя России", орган крестьянской партии, тоже имеющий у себя в услужении и сейчас „казачков" (№ 56). Однако, ни более чем двухсотлетнее российское самодержавие, ни 18-летний жестокий пресс красной диктатуры Москвы, не сломили казачьи души. И вот ныне, против казачьей национальной мысли и его организованного движения, выпускают вчерашних гробокопателей казачества Мамукова и К⁰, с целью или разложить его или же внести, по крайней мере, путаницу в умы рядового казачества и его неразбирающейся интеллигенции.

Ни один народ не был без предателей своих национальных интересов, и казачество, к сожалению, не гарантировано от этого явления. В семье не без урода! А писатели из „Сбора" не знают даже волю их пославших, вот почему и сквозит везде у них их политическое худосочие.

Вот почему в каждой их заметке, на каждой странице, ясно видны сбивчивость и туманность их установок, формулировок, задач и их стремлений. Люди об одном умалчивают, другого не договаривают, третье затушевывают, четвертое разбалтывают. Пользуются архаическими теориями и историями, потерявшими сейчас всякую ценность, сомнительными документациями, цитируют „разочаровавшихся" якобы вольноказачих вождей вроде ген. И. Ф. Быкадорова, хотя и должны были бы знать, как было вытянуто от него упомянутое заявление (перед нами лежит письмо генерала, свидетельствующее о том, под каким насилием и террором он был вынужден написать заявление, с коим и сейчас не согласен!).

С особой яростью и безудержной злобой стараются они нападать на казачье освободительное движение, которое считается у них главным врагом. Поэтому с присущей им ложью, тужаться доказать, именуя себя казачьими националистами предательство казаков националистов, коверкая факты, историю, и заползая в неведомыя им области науки, в особенности в учение о казачьем праве, в националогию, социологию, над которыми работают научно квалифицированные настоящие казаки националисты.

Опоясавшись шашками, лихие бывшие рубаки кавалеристы из „Сбора" оказываются весьма способными доказать несуществующие истины, высосанные из своих пальцев.

Утверждают они например, что: „Россия была великая семья народов, в которой малоросс-украинец, калмык, вотяк, татарин, белорусс, казак —являлись равноправными сыновьями одной матери". А русский князь Трубецкой, с особой подчеркнутостью заявляет, что Россия была мачехой для иных нерусских народов. Русский (великорусский) народ был полноправным хозяином всей территории, а иные „считались пасынками подчиненными ему") („Евразийский сборник"). Молодцов из НСНП возмущает утверждение казаков националистов, что великодоржавный московский дух исчезнет только тогда, когда от Москвы освободятся Украина, Казакия, Туркестан, Кавказ и т. д. Что бы успокоить их и им подобных, заявляем: что не только необходимо освобождение указанных территорий, их самостоятельное существование, но непременным условием для спокойного сожительства всех тех народов будет — **закупорка Великороссийского империализма в рамках б. Московского Княжества.**

Утверждают они, что Петр I сохранил казачество. Русская история и русские исторические документы с несомненной очевидностью свидетельствует об обратном: При нем выходит на Кубань

вторая донская эмиграция, отрываются со всей территорией Войско Запорожское, десятки тысяч казаков гибнут на „канальских" работах и постройках крепостей в плавнях Кавказа, тундрах Севера и болотах Петербурга! 17-го июня 1708 г. Петр дает следующий наказ кн. В. Долгорукову, посланному с русскими войсками на Дон: „Как будешь в Черкасском, тогда **добрых обнадежь**, и чтобы **Атамана выбирали доброго человека**, и по **совершенном оном**, когда **пойдешь назад**, то по Дону лежащие городки по сей росписи разори и над людьми чини по указу: надлежит опустошить по Хопру с верху Пристанной по Бузулук, по Донцу сверху по Лугань, по Медведице по Усть-Медведецкой, что на Дону, по Бузулуку всё, по Айдару всё, по Деркулю всё, по Калитвам и другим задонским рекам всё, по Иловле всё, **всех под главу**." (Донские дела).

27-го мая тот же Петр пишет: „ходить по тем городкам и оные жечь без остатку, а людей рубить, а заводчиков на колеса и колья..." (История русского флота). А Долгорукий по истине усердствовал; по казачьему преданию Дон три недели тек кровью! Ну что-ж!... оно были казаки и такие, что подносили палачам Троцкому и Калинину титул почетных казаков и превозносящие сейчас Сталина до небес! В семье не без урода!

Утверждают далее, писаки из „Сбора", что казаки националисты проповедуют ненависть к России. А разве казачество в период своего самостоятельного существования в 1917-18 гг., не ненавидело русский народ и Россию? Генерал Мамонтов, русский, приписной казак, говорил на Верховном Кругу об отказе от миссии спасения русского государства и обращении всей казачьей силы на спасение своих Краев; неужели он был предателем казачьих интересов и врагом русского народа? Казаки националисты не строят своих отношений к России исключительно на былых обидах и притеснениях, но обязаны знать его, и всецело осознать ошибки прошлого. Об этом ведь пишут и казаки не „самостийники", которых уж никак нельзя заподозреть в сепаратизме, а тем более в ненависти к России.

Оффициоз Донского атамана ген. Богаевского „Родимый Край" №№ 6, 7 писал: „Политика российских верхов в отношении казачества была всегда неправилна. Дореволюционное правительство разказачивало казаков шаг за шагом, превращая казачьи области в простые губернии, а свобоодных казаков в жандармов. Революционные верхи мобилизовали против донцов два военных округа, начали против них войну, а устами Чернова, председателя Всероссийского учредительного собрания, предлагали казакам потесниться, а вожди белые, придя в казачьи Края, хотели только командовать..."

Казаки националисты говорят, что казачество испытало на своей спине все России — монархическую и демократическую, белую, черную и красную, и все они, всегда и всюду пользовались казаками только в своих корыстных целях. Потому то они и утверждают, что путь к светлому будущему казачества лежит в его полной государственной самостоятельности.

Детский лепет „молодежи" из „Сбора", что самостийнических настроений среди казачества раньше не было, может вызвать только улыбку. Казачье самосознание проходит красной нитью через всю историю казачества, лучшие сыны его отдавали свою жизнь за свободу и вольность. Сколько было казачьих движений в защиту своей независимости! Одно уж то, что мы являемся **шестой казачьей эмиграцией** говорит само за себя, а четыре их было при царском режиме!

Казачество ясно осознавало свои национальные корни в противоположность русскому „Ивану непомнящему родства" и при восстановлении казачьей государственности всегда связывало ее с прошлым независимым существованием; вспомним хотя бы только классическую фразу Митрофана Богаевского, об'являвшего открытие первого заседания Донского Круга „после двухсотлетнего перерыва свобод, попранных Петром I". (Донская летопись) Свою волю, свои чаяния, и стремления казачество зафиксировало в своих Конституциях, в которых ясно и недвусмыслено заявило, что оно хочет жить самостоятельно, по своему, по казачьему. И того, что действительно так было, не мог отрицать даже один из противников казачьей государственности, милюковец, профессор Марков, б. Секретарь Казачьего Союза в Париже. В брошюре „Самостийность и экономическое возрождение России" он пишет: „Если в борьбе с большевизмом казачество держалось дольше других, то это об'ясняется тем, что Казачество создало **тот строй который политически удовлетворял его**". Какой же это строй, он говорит дальше — „**казачеством была создана своя самостоятельная государственная жизнь**".

А что стремления к своей самостоятельной казачьей жизни существуют у казаков и там, в СССР, достаточно прочесть хотя бы две советских книжки: „По колхозам Дона" Фирсова и „Кубанские записки" Вл. Ставского. И что дух казачества оказался сильнее всякой советской диктатуры, свидетельствует об этом тот факт, не под'яремное казачество было поглощено в СССР (как этого хотели и заграничные русские), а коренное крестьянство за это время ассимилировалось с казачеством; тот самый Таганрогский округ, который имея 90% украинского населения, при плебисците 1921 г. высказался 75% гололосов, за оставление при Дону и не включение в Украину советскую, ныне, как и на остальном Дону нет уже слобод и сел, а есть станицы и хутора! И служат крестьяне в казачьих полках, т. е. сама жизнь подтверждает правильность установок казаков националистов.

Пугают казаков, что они не могут существовать самостоятельно своими малыми государствами, а при этом умышленно замалчивают что Казакия, уже существовавшая под именем Юговосточного Союза, по своей территории будет в первых рядах европейских государств — Франции, Германии и Украины.

Не застрашат противники казачьей государсвенности тем, что, будто, „по векселям выдаваемым самостийниками, казачество будет расплачиваться и что иностранцы будут сдирать три шкуры." Во-первых, никаких векселей и не выдается, а главное, ес-

ли бы иностранцы были так наивны и доверчивы, как писатели из „Сбора“, то казачество бы могло жить спокойно, а казачья емиграция в целом безбедно. Да иностранцы, конечно же, не сдирали бы так бесчеловечно с казаков шкуры, как это делали **на самом деле**, в прошлом русские, и делают уже семнацать лет „братья“, русские большевики.

Самостоятельное казачество не будет влачить бедное существование, но будет возраждаться и строиться гигантскими шагами, вдохновляемое общенародным казачьим под'емом Ведь не прозябают же ныне во много раз меньшие, даже чем Дон и Кубан в отдельности, и экономически более слабые государства, освободившиеся из-под власти России-Литва, Латвия. Эстония! Ведь даже сама М-м Кускова, в одном из № „Последних Новостей“ признала, что„ . . . Россия не живет,а умирает“. Но Литва, Латвия, Эстония, тем более Полша, живут полной жизнью.

Казачество политически выросло в горниле настоящей освободительной борьбы, оно созрело до полного понимания своих насущных жизненных интересов и страшной ценою крови, неисчислимых жертв и величавого народного страдания добилось полного права-иметь свое собственное место под солнцем. Не только история в прошлом и воля в настоящем, но особая обстановка и особые условия природно-хозяйственной жизни, бытовые и культурно исторические особенности Казачества дают ему право ставить вопрос своего государственного бытия именно так, и никаким сорокам из гнезда Союза Нового поколения и из иных всевозможнейших неказачьих лагерей и таборов, никогда не повернуть вспять течение казачьей национальной мысли; как бы все эти тумы и казакопредавцы ни старались. и как бы их хлебодарцы и работодатели не неистовствовали, **правда побеждает!**

„ЗАЖИТОЧНАЯ ЖИЗНЬ“

Советская печать часто щеголяет составленными совучреждениями статистическими цыфрами о зажиточной, счастливой и привольной жизни советского гражданина. Однако, при этом старательно избегают средних цыфр, которые измеряют и выражают уровень жизни страны, не отдельные ее верхи и низы, а уровень жизни общей массы, что единственно имеет показательное значение.

Игра же с абсолютными цыфрами или же с процентным ростом „сталинских достижений“, при территориальном пространстве СССР и его 170-миллионах населения, легко может обратится в клоунскую пляску,если взять карандаш и разделить все эти оглушительные цыфры.

Пресса СССР сообщает огромные цыфры роста железнодорожной сети, электрической энергии и т. д. и с пустым хвастовтвом заявляет, что догнали и перегнали ту или иную передовую страну, а разделишь огромное число СССР-овских километров гордое делимое превращается в очень скромное частное.

В СССР — 83000кл. жел-дорож. сети. Догнали и перегнали Францию(63000) и Германию(58000)! Но на каждые 10000 населения во Франции приходится 15 с половиною кл. железнодорожного пути, а в СССР всего-5 кл.

Большевики хвалятся сильным ростом производства стали. Догнали и перегнали многие страны по абсолютному числу выработанных тонн стали. Но на душу населения СССР имеет 67 килогр., а Сев Ам.—около 250 клгр. Абсолютные цыфры, переведенные к километрам расстояния и числу жителей. обязуют пока еще к скромности.

Микоян на заседании Союзного Совета заявил, что продовольственный вопрос разрешен в СССР и при этом огласил поистине головокружительные цыфры. Рост огромный — за один год 23 процента. Называл десятки и сотни тонн колбас, рыбы. масла, консервов и пр. Но если все это разделить на 170 миллионов человек, то выходит, что советский граждание получил в 1935 году мяса на один фунт в год больше, чем за год 1934, а консервов на одну банку в год!

О ценах продуктов, о заработной плате мы писали в предыдущих номерах „КАЗАКИИ“. В сравнении с европейскими странами цены продуктов выше, сами продукты хуже, а заработная плата гораздо ниже. Все разглагольствования о дешевых продуктах и высокой зоработной плате это — пропаганда, очковтирательство, и сколько наивных иностранцев (например из ЧСР), иногда бедных рабочих, поплатилось за свою веру советским „данным“!

Сейчас большевики хвастаются высокими цифрами потребления сов. гражданами картофеля, капусты и маргарина. Но Карл Маркс в „Философии нищеты“ именно об этих продуктах писал как о „нищенских“, которые служат для потребления широких масс населения в буржуазном обществе, основанном на нищете. Однако, в обществе СССР., оснаванном но культе „зажиточной“ жизни, эти же „нищенские“ продукты составляют основу народного питания и гордость власти.

Обуви в СССР. в 1935 г. произведено 84 мил. 800 тыс. пар. Это выходит по одному сапогу на человека в год. Сов. обывателю приходится либо целый год скакать на одной ноге, либо носить пару сапог два года. А так как по отзывам сов. печати сапоги отличаются низким качеством и окончательно разваливаются через несколько месяцев, то сов. гражданин должен часть года ходить босиком, что и практикуется в самых широких размерах от весны до осени.

Шерстяных тканей было произведено 79 мил. 900 тыс. метров, или четыре десятых метра (меньше чем полметра) на человека в год! Попробуйте-ка из такого количества материала в год выкроить костюм, одеяло . . . Едва ли хватит на трусики!

Хлопчатобумажных тканей произведено было 2,632 млн. метров. Но из них значительная часть идет на армию, больницы и поглощается браком. На штатскую душу остается метров семь в год, и это на все—на белье, на платье, на постельное белье и прочее.

После этого какая же это красивая, зажиточная и счастливая жизнь советского человека в одном сапоге, с животом, набитым только кортофелем и капустой, в одежде, которую приходится все время латать, а рвется она уже после несколь ких стирок, и к тому иметь кладбищенскую жилплощадь в 4 кв. метра на душу!!?...

ПОПЫТКА ТОПИТЬ В ЛОЖКЕ ВОДЫ.

Под заглавием: „Оппозиция в оппозиции", И. Билый, с „нескрываемым торжеством, печатает в № 214 своего журнала заметку о „расколе" и образовании в группе „Казакии" оппозиции. Поводом к его радости послужили — „Бюллетень" ЦП. № 5, изданый по поводу состоявшегося 25—26 XII, с езда вк. в городе Брно — с одной стороны, и „Распоряжение", опубликованное на 3-й странице № 17—18 „Казакии" бывшим Председателем. ЦП. от 22 декабря — с другой.

Неверно утверждение Б., что с'езд этот был с'ездом меньшинства членов ЦП. в Чехословакии, — наоборот, большинства членов ЦП. Кроме того, согласно Внутреннего Положения, заседания с'езда членов ЦП. могут происходить, в известных случаях, и без наличия Председателя, если обстановка того требует. На данный с'езд Председатель ожидался до последнего момента, так как предупреждение его о невозможности приезда опоздало. Но от отсутсвия Председателя полномочия с'езда не сужались.

Точно также неуместно вульгарное выражениые редактора „ВК", что „дали Кудинову по шапке" а просто, по окончании срока полномочий старого Центрального Правления, было избрано новое, в состав которого ст. Крдинов не вошел. Так бывает везде и всюду, где есть определеные правила и принципы, где Председатедь не избирается пожизненно, как, например, самоизбрался Билый.

Что касается того злополучного „распоряжения", то оно было напечатано по горячности и поспешностн. Обложки были вырваны, а в иных экземплярах „распоряжение" зачеркнуто, вовсе не „противниками" Кудинова, как пишет Б. (противников у Кудинова у нас нет), а именно самим Кудиновым, понявшим опрометчивость шага.

Таким образом, никакой „оппозиции в оппозиции" нет, а есть только желание Билого, чтобы так стало. В свое время Билый вышел из состава Центр. Правл. и очутился в оппозиции, а Павел Назарович Кудинов законным способом перестал быть Председателем, как в свое время перестал быть Председателем и нынешный Председатель Иван Иванович Безуглов. Где это видано, чтобы каждые законные перевыборы создавали оппозицию. Это бывает только в тех случаях, когда то или иное выборное лицо посчитает себя избранным пожизненно. Выборы административных лиц, замена старых новыми — есть незыблимая казачья национальная бытовая традиция. Попытка Билого подвести наш с'езд от 25—26 XII. под незаконный неудачна еще и потому, что с'езд этот состоял из тех же лиц, которые составляли с'езд в 1935 году и который избрал тогда старое Центральное Правление во главе с Кудновым.

Не менее наивно утверждение Б. о том, что новое ЦП. расширено только „для удовлетворения личных амбиций и претензий" В состав нового ЦП. введены и такие наши соратники, которые категорически отказывались. В ЦП. вводятся люди по признаку личной ценности, как общественно-политические работники, по признаку деловой целесообразности. Никаких амбиций и претензнй у наших членов нет. Все мы несем тяжелое бремя служения Казачеству в трудных условиях и в тяжелое время.

„Что за зверь этот руководяший кадр?" — спрашивает Билый. Это тот самый „зверь", в нутро которого в свое время, в качестве члена, входил и Билый, когда еще не имел амбиции и претензии в единоличные „вожди". Это организованная группа старых и верных вольных казаков, которые работу по освобождению Казачества ведут с соблюдением законных норм, казачьих традиций, которые выдерживают вольноказачью прессу, ведут представительскую работу и сообща, волей большинства, решают все наши важные вопросы. Без такой руководяшей центральной группы не может иметь практического успеха ни одно национальное движение, тем более в такой обстановке, в какой в данное время находимся. Кстати, должны заметить, что Алимов и Балинов уполномочены представлять ВК и вести работу законным Центр. Правлением. О Билом, назначая своих представителей, оно не подумало. У себя он может быть „испанским королем", а для ЦП он — ничто.

ДО ХВАЛЬНОІ РЕДАКЦІІ ЖУРНАЛУ „КАЗАКИЯ-КОЗАКІЯ"

Просимо ласкаво не відмовити помістити на сторінках Вашого журналу наступне:

З приводу того, що на молебні українського свята державности в Парижі була делєгація вільных козаків на чолі з п. Алімовим і п. Шамбою Баліновим*), довелося нам у журналі „ВК" ч. 214 прочитати веселу нотатку добродія Білого й то не в гумористичному відділі, а на сторінці 14-й.

Добродій Білий на амплуа освідомителя українців й то не аби-як, а зі шляхетним заміром: „виключно для того, шоб уведені в блуд... українці знали привду"..., Д-ія Білого.

Нас, як українців, в нотаці згаданого добродія цікавить її замір, а саме, — шо дозволить він вбачати в тій замітці: Чи розрахунок на українську наївність чи наївність власну того добродія? Коли з цеі альтернативи припустити перше, то мимоволі, якось сама собою напрощується стара українська приказка: „Не тратьте, куме, сили, спускайтеся на дно!"; коли ж добродій хотів самого себе показати в ролі „смішняка", то на це лише руками можна розвести.

---

*) Які являються представниками Центр. Правл. орґції вільних козаків-націоналістів, для яких п. Білий не є авторитетною особою.

РАЗ'ЯСНЕНИЕ.

В номере 211-м журнала „Вольное Казачество" напечатана редакционная заметка о том, что, будто, один из сотрудников „Казакии' дал статью другого автора, который напечатал ее в 1930 г. в „ВК".

Настоящим указываем, что статья эта, до появления в „ВК" была напечатана в украинском львовском военно-историческом журнале „Літопись Червоної Калини".

Дело в том, что статья эта, во всех трех случаях, принадлежит одному автору, а именно — нашему сотр. Полк. Д-ру С. А. Федорову.

Так как к тому времени ред. „ВК" не принимал никаких материалов от многих вольных казаков, усомившихся в его ценности, то материал этот был принесен к нему нейтральным человеком и сдан под псевдонимом.

Редакция „Казакии" повторила эту статью с согласия подл. автора в виду чрезвычайной ее поучительности. Значит, выстрел ред. „ВК" сделан в пустую по причине его околпаченности.

Ред.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА ЖУРНАЛА „КАЗАКИЯ"

Настоящий номер выходит с запозданием. Причиной такого запоздания послужило следующее печальное обстоятельство: Формальным издателем журнала в Болгарии до сих пор являлось Правление Союза Казаков Националистов в Софии. После перевыборов, произшедших в составе ЦП в результате решения с'езда от 2[illegible] — 26 декабря 1936 года, Председатель Союза Казаков — Националистов П. Н. Кудинов, в порядке мести за отстранение его с поста Председателя ЦП., предпринял шаги к закрытию журнала „Казакия". С этой целью он, без ведома и согласия других членов Правления Союза, возбудил перед Болгарским Министерством ходатайство о разрешении ему издавать новый журнал „Вольный Дон" взамен „Казакии". Министерство, введенное в заблуждение, удовлетворило это ходатайство. Издателю журнала „Казакия", как представителю ЦП., пришлось потратить и время и энергию на анулирование этого акта Кудинова и на процедуру восстановления „Казакии". Приходится от души скорбеть по поводу того, что люди, казавшиеся патриотами и идейными деятелями, так слепо подчиняются личным чувствам и мотивам, что за ними перестают видеть интерес общего дела и различать полезное от вредного.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на литературно-исторический и информационный журнал
КАЗАКИЯ – КОЗАКІЯ

Условия подписки	на 6 мес:	на год.	отдельн. номера
Во Фрации	12 фр.	24 фр.	2 фр.
В Чехословакии	30 к. ч.	50 к. ч.	5 к. ч.
В Болгарии	60 лева	120 лева	10 лева
В Румынии	80 лей	160 лей	12 лей
В Польше	8 зл.	15 зл.	1 зл.
В Германии	3 р. м.	5 р. м.	50 пф.
В Сев. Америке и др. странах.	1·50 долл.	3 долл.	0·20 долл.

Печатница „НОВЪ ЖИВОТЪ" ул. Царь Самуилъ, № 61. Телеф. 2 48-69 — София.